



КАТЯ ЛУАРСКАЯ

ШАНС
для
БЕСПРИДАННИЦЫ
КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Катя Луарская

Шанс для бесприданницы. Книга 1

<https://litres.ru/74174943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я сирота, бесприданница и прислуга в доме своего дяди. Единственный шанс вырваться для меня — брак со старым соседом, про которого ходят нехорошие слухи. Но однажды в поместье дяди по делам приезжает симпатичный следователь и неожиданно просит моей руки. Казалось бы, я должна быть счастлива. Вот только кто же знал, что мои неприятности только начинаются?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	46
Глава 4	59
Глава 5	79
Глава 6	100
Г	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Шанс для бесприданницы. Книга 1

Пролог

Леалана

Тяжёлые шаги на лестнице заставили вздрогнуть. А вот и он. Всё тело сковало ужасом так, что не шевельнуться. Я вся сжалась, обхватив себя руками, и уставилась на дверь. Секунды растянулись в часы. Но вот дверь наконец распахнулась, явно под действием магии ветра, и дядюшка замер на пороге. В полутьме можно различить только его массивную фигуру.

— Сумерничаешь? — почти ласково спросил он и щёлкнул выключателем.

Тусклый кристалл под самым потолком осветил его растрёпанные волосы и красное, блестящее от пота лицо. Рубашка растёгнута почти наполовину, рукава закатаны. По комнате поплыл запах настойки. Дядя подошёл к кровати, сел рядом со мной и обнял за плечи, обдав запахом пота. Я снова вздрогнула, но отодвинуться не попыталась: некуда, да и бессмысленно.

— Что же это ты дрожишь, милая моя Леле? Неужто бо-

ишься меня?

Я судорожно вдохнула и покачала головой. Как всегда, не знаю, что отвечать. Хотя что ни скажи, он всё равно меня не пощадит.

— Может, расскажешь по-хорошему любимому дядюшке, кто посмел сорвать твой цветок? — Голос по-прежнему ласковый, но я уже слышу в нём ярость. Обнимающая меня рука сжала плечи так, что не вырваться.

— Ни никто, д-дядюшка. — Зубы стукнулись друг о друга. — Цел-литель ош-шибся.

— Ошибся? Да что ты говоришь? — Дядя с притворным удивлением поднял брови. — Такой умный, образованный, опытный человек ошибся?

— Д-да, д-дядюшка. — Голос сорвался до хриплого шёпота. — Я ни никогда бы не п-посмела

— Так кто же, Леле? Неужели конюх? Или новый пастух, на которого наши служанки аж слюной исходят? А может, они оба? Или их было больше?

Дядя переместил руку и ухватил меня за волосы. Пока ещё только слегка.

— Я не не была с м-мужиной, д-дядюшка. — Я старалась не шевелиться, чтобы волосы не натягивались слишком сильно. — Клянусь п-памятью родителей.

— Памятью твоей шлюхи-матери только и клясться. — Дядя хмыкнул, а потом вдруг дёрнул меня за волосы так, что из глаз брызнули слёзы, одновременно перехватил за талию

и швырнул на кровать лицом вниз.

— Значит, по-хорошему не скажешь?

Я замычала, но связных слов произнести из такого положения не смогла.

— И вот что мне с тобой теперь делать? — Дядя повысил голос. — Тебе выпал шанс выгодно выйти замуж, и надо же быть такой дурой, чтобы пустить всё демону под хвост! Так чесалось, что не утерпела? Впрочем, чего ждать от шлюхиного отродья!

Он сильнее вдавил моё лицо в матрас, и я захрипела, пытаясь сделать вдох.

— Разумеется, такому жениху порченная девка не нужна. Он и так оказал нам милость, попросив твоей руки, а ты опозорила меня. Или думаешь, он так в тебя влюблён, что всё простит, дрянь ты тощая?!

Я снова попыталась вдохнуть. Кое-как вцепилась в покрывало, словно оно могло помочь. Самое ужасное, что дядя прав: жениху я теперь точно не нужна, и он тоже поверит целителю, а не мне

— Нет, ну надо же, — дядя всё сильнее распалялся. — И когда только успевала? По ночам не спала, прыгала по койкам? Как не понесла-то ещё от какого-нибудь проходимца. Хотя демоны знают, может, уже и носишь какое-то отродье.

И он вдруг задрал мне платье. По телу пробежала судорога, я в ужасе забилась, пытаюсь вырваться, но тут дядя неожиданно отпустил меня. И я услышала страшный и такой при-

вычный звук: звякнула пряжка ремня.

Глава 1

Дэньель

Я остановился перед дверью в контору, сделал глубокий вдох и взялся за ручку. «Маллорис и сын». Эта вывеска каждый раз вызывает досаду. Сына у него вроде как два, но меня как будто не существует. Старшенький-то пошёл по его стопам, стал адвокатом. А я по другую сторону. Я снова вздохнул и наконец всё-таки дёрнул массивную дверь на себя. В приёмной, разумеется, восседает верный Ориль. Прямо старый пёс, охраняющий хозяина. Увидев меня, секретарь отца встал, тяжело опираясь на стол, и поклонился.

— Доброго дня, господин Дэньель. Господин Маллорис у себя и ждёт вас.

Как всё торжественно.

— Доброго дня, Ориль. Благодарю.

Я прошёл через приёмную и без стука открыл дверь в кабинет. Вошёл и замер на пороге. Отец быстро что-то записывает в толстую тетрадь, голову не поднял и вообще сделал вид, будто ничего не слышит. Рядом — свежий номер «Сплетника», открытый на той самой заметке. Так я и думал. И ради этого стоило тратить свой обеденный перерыв?

— Доброго дня, отец. Зачем звали?

Приглашения сесть, конечно же, ждать не стоит. Я прошёл к столу, отодвинул стул для посетителей и уселся, закинув

ногу на ногу. Эх, не надо было, конечно, ввязываться в ссору с Роресом. Говорят, у него знакомые в «Сплетнике». А может, он сам туда и пишет такие вот гнусные статейки.

И главное, чего ради полез? Ну подумаешь, высказался он про холостяков. Мол, многие в бордели ходят ради прикрытия, а сами встречаются с мужчинами... И на меня так многозначительно глянул, сволочь белобрысая. Надо было сделать вид, что намёка не понял, а я ему в челюсть двинул. Теперь вот расплачиваюсь. На первой полосе «Сплетника» моя физиономия и заголовок: «Младший сын Эррета Маллориса предпочитает мужчин». Отец, конечно, не мог пройти мимо.

— Доброго дня. — Сухой голос отца как всегда заставил внутренне поёжиться. — Думаю, ты и сам уже догадываешься.

Он многозначительно кивнул на газетёнку и сверкнул на меня своими ярко-голубыми, холодными глазами из-за стёкол очков.

— И из-за этого вы отвлекли меня от дел? — Я поднял брови и саркастично ухмыльнулся.

Отец возвёл глаза к потолку и постучал ручкой по тетради.

— Как можно отвлечь от дел того, у кого их нет? Вечно болтаешься где угодно, только не в Доме правосудия и не там, где совершили преступление.

Я пожал плечами. Ну да, эту песню ему постоянно поёт мой непосредственный начальник, с которым они пересека-

ются за игрой в «Империалис». И отец верит. Хотя... Что уж там, я не стремлюсь опровергать их мнение о себе.

— Так что скажешь в своё оправдание? — Отец взял в руки пресловутую газету.

— А что я должен сказать? — Я вопросительно вскинул брови. — То, что пишут, неправда. Меня интересуют исключительно женщины. И поэтому я — завсегдатай борделей и кабаре. Вы это хотели услышать?

— Я хочу услышать, как долго ещё придётся мне терпеть то, что благородную фамилию нашего древнего рода полощут на все лады мерзкие писаки. — Он постучал газетой по столу. — И я молчу про драку, о которой здесь тоже написано. Это уже просто мелочи.

Сколько яда в голосе. Впору от страха под стол залезть.

— Я не могу знать, когда мерзким писакам надоест обо мне писать. — Я послал отцу наглую улыбку. — Но могу пообещать больше не ввязываться в драки. По крайней мере, постараюсь.

Отец сжал зубы так, что на скулах заходили желваки, а воздух вокруг начал слегка потрескивать. Ну да, я не его любимый Альденс, готовый в лепёшку расшибиться, лишь бы угодить папёнке.

— У тебя есть только один выход: как можно скорее жениться, — выдал отец. — Тогда никому больше не придёт в голову писать о тебе гадости.

Начинается. В который уже раз?

— О, нет-нет, увольте. — Я изобразил на лице ужас. — Мне нравится моя холостяцкая жизнь. Хочу — иду в бордель, хочу — сплю, хочу — всю ночь сижу в кабаке и надираюсь до беспамятства. Зачем что-то менять?

— Прекрати паясничать, паршивец.

— Но я лишь говорю всё как есть. Из меня точно не получится путёвого мужа, так не стоит и пытаться. Не хочу портить жизнь какой-то порядочной девушке.

Однако отец пропустил мои слова мимо ушей. Вернее, притворился, будто пропустил.

— Родители госпожи Аурес, между прочим, недавно отказали сыну главного советника Его величества. А всё потому, что ждут, когда ты наконец поумнееешь.

— Это их дело, при чём здесь я?

— При том, что лучше партии тебе просто не найти. А главное, они сами хотят этого брака.

— Вы это уже много раз говорили, но жениться я не хочу. И уж тем более на госпоже Аурес.

— Чем тебе не угодил госпожа Аурес? — Отец зло сверкнул глазами. — Порядочная, прекрасно воспитанная девушка...

— ... из уважаемого древнего рода, с которым любое семейство радо породниться, — закончил я. — Я помню, отец. Но своих решений менять не собираюсь. И я не девица, заставить меня вы не сможете.

Отец резко поднялся из кресла и навис над мной. Воздух

теперь не просто потрескивал, а начал раскаляться. Злить мага огня не самое безопасное занятие.

— Всё, чаша моего терпения лопнула. Хватит с нашей семьи позора. Или ты женишься, или я прямо сейчас лишаю тебя наследства.

В его глазах заиграли опасные красноватые всполохи. Он громко хлопнул кулаком по столу. По его руке пробежали искорки, одна из них упала на стопку бумаг. К счастью, отец её вовремя прихлопнул. Было бы мне лет пять, точно испугался бы и его грозного вида, и выплеска силы. Но в тридцать два хочется, скорее, рассмеяться. Только вот воспитание не позволяет.

— Я не собираюсь жениться лишь потому, что «Сплетник» пишет обо мне глупости.

— Глупости, не глупости, но люди судачат. Мало мне было твоей связи с замужней женщиной, теперь ещё это! «Младший сын Эррета Маллориса предпочитает мужчин». Боги, за что вы послали мне такое наказание?

— Может, за то, что верите досужим сплетням? — Я послал родителю нахальную улыбку и скрестил руки на груди.

— Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне?

— А в каком тоне ещё можно отвечать на ваши нелепые претензии?

— Всемилобивые боги, кого я воспитал?

По рукам отца снова забегали искорки, но он всё-таки совладал с собой. Снова демонстративно схватился за голову и

не слишком грациозно плюхнулся в кресло. Подвинул к себе графин с водой и взял стакан.

— Простите. — Я продолжил смотреть на отца с лёгкой издёвкой: никакого раскаяния, разумеется, не чувствую, и скрывать это не собираюсь. — Но вам не приходило в голову, что «Сплетник» и существует для того, чтобы распускать грязные слухи? Будто вы в первый раз читаете обо мне чушь.

— Слухи не возникают на пустом месте, как считают люди, и я согласен с этим утверждением. — Отец плеснул себе воды и сделал судорожный глоток. — И разве про тебя писали такую уж чушь? Разве неправда, что ты шатаешься по борделям? Разве ты не спал с замужними дамами?

— Вот именно, с дамами.

Он пропустил моё замечание мимо ушей.

— Разве ты, наконец, толковый следователь? Или всё-таки ленивый, безответственный оболтус, которого и на службу-то взяли только из-за связей отца? Что, скажешь, это не так?

Я криво ухмыльнулся и повертел перстень на пальце. Не скажу, конечно. Ему же бесполезно что-то доказывать. Меня моя репутация давно устраивает.

— Всё так, отец. Но та сплетня, которая так вывела вас из себя, и правда всего лишь сплетня.

— И тем не менее её уже наверняка обсуждают во всех гостиных! — Его голос уже почти сорвался на крик. — Я теперь даже не уверен, что господа Аурес согласятся отдать

за тебя дочь.

— Буду только рад, если откажутся. — Я одёрнул рукав сюртука.

— В общем, я своё слово сказал. — Отец налил себе ещё воды. — Или ты сегодня же едешь просить руки госпожи Аурес, или я лишаю тебя содержания и наследства.

Ой-ой, как страшно.

— Лишайте. Как-нибудь проживу. — Я чуть склонил голову. — Я получаю деньги за службу.

— Думаешь, их хватит, чтобы вести ту жизнь, к которой ты привык? Бордели, кабаки, машина, в конце концов? Артефакты? Без моей помощи ты сможешь позволить себе разве что пить отвар по вечерам. И не в доме, а в крохотной каморке где-нибудь на окраине Леренса.

Ну, это он, конечно, преувеличивает. Не так уж мало мне платят. А у него давно стараюсь ничего не просить. Что же до наследства... Скорой смерти я отцу точно не желаю.

— Я готов терпеть лишения, но быть при этом свободным.

— Ведёшь себя как самоуверенный мальчишка, — прошипел отец. — Ладно тебе плевать на меня и на собственную репутацию. Но подумай хотя бы о матери! Она уже извелась, ночами не спит, скоро скупит всю успокоительную настойку в Леренсе. А тебе всё нипочём.

Он снова залпом выпил воду.

— Маменька слишком любит себя накручивать. Пусть лучше поволнуется об Альденсе.

— Что о нём волноваться? — Отец побарабанил пальцами по столу. — У него дружная семья, прекрасная деловая репутация и никаких статей «Сплетник» о нём не пишет.

— Ну, до такого идеала мне никогда не дорасти. — Я поджал губы и построил грустную физиономию.

— Не думай, что я ограничусь наследством. Раз тебя не пугает угроза быть исключённым из завещания, то, может, испугает вот это? — Он взял со стола какую-то бумагу и почти швырнул мне в лицо.

Кажется, он всерьёз злится. Что это? Переписанное завещание? Я поймал листок и взглянул. «Министерство правосудия Его Величества... Приказ о переводе...» Что?! Сердце застучало быстрее, в висках зашумело. «Приказ о переводе господина Дэнеля Эррета Маллориса, состоящего в чине капитана, младшим следователем в округ Ноэррелья, город Луэнтенс».

Я лихорадочно скользнул взглядом вниз документа. Печать, подпись моего начальника, господина Грандеса. Приказ вступает в силу с первого сентября. Каких демонов?! Я смял листок, отбросил его и посмотрел на отца. Тот широко и победно улыбался.

— Можешь не стараться, это копия, оригинал лежит у господина Грандеса. Что ж, поздравляю: ты вынудил меня прибегнуть к последнему козырю, сынок. — Последнее слово он подчеркнул издевательским тоном. — Или ты женишься, или лишаешься наследства, моей помощи и едешь к север-

ным границам. В том захолустье, куда тебя переводят, не то что борделей нет, даже захудалой таверны. Я уточнил.

— В такой глуши и преступлений нет. — Я снова ухмыльнулся и крепче сцепил пальцы, хотя по спине уже тонкой струйкой пополз холодный пот. — Что мне там делать? Разнимать драки — дело городской стражи, а не следователя. Да и с мелкими кражами и стража вполне разберётся.

Пусть не думает, что меня это пугает. Хотя, демоны криоворогие, у меня уже, кажется, руки дрожат.

— Ничего, тебе только на пользу пойдёт. Может, поубавится самоуверенности и появится больше рвения к службе.

— Да я там просто сопьюсь со скуки. Но, полагаю, именно этого вы и хотели бы.

Лицо отца пошло красными пятнами, однако на сей раз он сдержал гнев и растянул губы в обманчиво ласковой улыбке.

— Я найду, как это предотвратить, не сомневайся. Прибегну к запрещённым заклятиям, в конце концов, после которых тебя будет тошнить даже от запаха крепких напитков. Итак, выбирай: или женишься, или едешь в ссылку и остаёшься без наследства.

— Приказы начальства не обсуждаются. — Я беспечно пожал плечами, до боли сжав пальцы. — Господин Грандес вне всяких сомнений рад от меня избавиться. И так вечно посылает на дурацкие задания.

— Он как раз недавно сетовал, что на северной границе осталось совсем мало слугителей правопорядка: никто не

хочет ехать в такую даль, потому что многие — люди семейные или уже обручены. А вот таких холостых оболтусов там как раз и не хватает. Видишь, как удачно всё сложилось.

Я снова изобразил нахальную улыбку. Схватить бы графин и швырнуть в стену. Но отец не должен видеть, что меня задел его поступок.

— Что ж, если надо, поеду в глушь. Но неужели вам меня совсем не жалко? Я ведь могу оттуда не вернуться.

— Служба есть служба в любом уголке Империи. Погибнуть ты можешь и в Леренсе. Разве нет?

Я сжал зубы. Что на это ответить?

— В общем, я всё сказал. — Отец в очередной раз сверкнул глазами. — Хватит с меня позора и унижений. Я не для этого всю жизнь берёг репутацию, чтобы родной сын валял её в грязи. В глуши уж точно нет писак из «Сплетника».

Он замолчал, а я уставился на смятый листок с приказом. Всё тело обдало жаром. Значит, вот как? Они за моей спиной уже обо всём договорились? Два старых придурка!

— Но я всё же не настолько жесток. — Насмешливый голос отца заставил вздрогнуть. — Если сегодня отправишься просить руки госпожи Аурес, так и быть, поговорю с Грандесом ещё раз: он отменит твой перевод.

Я откинулся на спинку стула.

— Не стану я просить руки госпожи Аурес. Она мне не нравится.

— Это уже не обсуждается. Других претенденток на роль

твоей супруги всё равно нет, а даже если найдёшь, вовсе не обязательно получишь согласие родителей. Про тебя вся Империя знает, и вряд ли кто-то отдаст за тебя дочь.

— Не так уж я и знаменит. — Я скривил губы в ухмылке. — И господ Аурес вот готовы отдать за меня Марэлу.

— Только потому, что она сама этого хочет, а они идут на поводу. — Отец подтянул к себе кипу бумаг. — И ты должен бы сказать ей спасибо за такое тёплое отношение.

— Я ничего не сделал для того, чтобы она так жаждала за меня выйти.

— К сожалению, любовь иногда бывает слепа. — Отец скривился в ядовитой усмешке. — Но я не в том положении, чтобы жалеть госпожу Аурес. Так что, если не желаешь служить на северной границе, отправишься к ним и смиренно попросишь её руки.

— И не подумая. — Я глянул на огромные настенные часы: почти два. — И мне, пожалуй, пора, отец. Перерыв заканчивается, меня ждут служебные дела.

Отец выразительно хмыкнул и пригладил волосы, в которых всё больше и больше седых прядей.

— Что ж, иди, не смею задерживать такого важного человека. Но если ты думаешь, что и в этот раз выйдешь сухим из воды, то глубоко ошибаешься.

— Это мы ещё посмотрим.

Я вскочил, резко отодвинув кресло, и направился к двери.

— Госпожа Боэмис поступила очень дальновидно, пред-

почтя тебе мужа старше и мудрее. — Голос отца догнал меня уже на пороге. — Разве была бы она счастлива с таким бестолковым повесой, который так и не повзрослел?

Под рёбрами больно кольнуло, пальцы до боли сжали дверную ручку. Не буду ничего на это отвечать. Хоть и хочется хлопнуть дверью так, чтобы зазвенели стёкла и графин на столе секретаря, но не стоит показывать, что меня это всё задело больше, чем хотелось бы.

Дверь я прикрыл очень осторожно.

— До встречи, господин Дэнзель. — Мои мысли прервал тихий голос секретаря.

— До встречи. — Я обернулся и небрежно кивнул ему. Наверняка он подслушивал: отец ведь не потрудился повесить полог тишины.

Я прошёл через приёмную и дёрнул за ручку двери. Как раз в этот момент её открыли снаружи. Вот демоны криворогие, принесло же кого-то! В приёмную вошла пожилая пара. Мужчина смерил меня неодобрительным взглядом. Я лишь слегка поклонился и, не дожидаясь ответной любезности, вышел на улицу. Кажется, слегка задел плечом нерасторопного мужика, потому что он что-то пробубнил, но я уже закрыл за собой дверь.

Жара стоит кошмарная: ничего удивительного для начала августа. Я прошёл к машине. Как же хорошо, что у неё есть тент. Забравшись на водительское сиденье, несколько раз ударил по рулю. После бесед с отцом всегда хочется кру-

шить всё вокруг, но сегодня особенно. Кровь сильнее застучала в висках. Вот умеет же он завести... Всегда знает, как уколоть побольнее. И упомянуть Алессу — одна из главных его шпилек.

Я всё-таки тронулся с места. Ладно, вынужден признать. Я доигрался. Раньше отец угрожал на словах, теперь же решил действовать. Обвёл меня вокруг пальца, словно ребёнка! Прямо перед машиной проскочила какая-то нерадивая служанка. Я с яростью нажал на клаксон. Вот же дура! Бросается под колёса, а мне отвечай. Представляю себе очередной заголовок в «Сплетнике»: «Следователь сбил служанку на своём автомобиле. Представители правосудия творят беспредел». Тогда ссылки точно не избежать.

Хотя... демоны, её и так уже не избежать. Не знаешь, что лучше: брак с госпожой Аурес или северные границы. Вообще-то, Марэла вполне ничего. Миленькая мордашка, тоненькая талия и полная грудь. Задницу за платьем, конечно, не разглядеть, но, думаю, она тоже ничего. Во всяком случае, детей выносить сможет. Но вот её манерность и навязчивость...

«Ах, Дэнзель, маменька раздобыла билеты в театр, но она никак не может пойти: нездоровится. Составьте мне компанию, прошу вас!»

И два часа потом приходится слушать завывания, которые называют оперным пением.

«О, Дэнзель, порталная магия — это потрясающе! А вы

могли бы перенести меня в парк? Я мечтаю там погулять».

Только парк её интересовал явно меньше, чем возможность во время перемещения подержаться со мной за руки.

«Дэньель, посмотрите, скорее, какая роза сегодня расцвела на моей клумбе! Я, кажется, близка к тому, чтобы вывести новый сорт. Назову его в вашу честь».

Роза как роза, я в них ни демона не понимаю. Но я же вроде как воспитанный мальчик, да и маменька госпожи Аурес наблюдает, и моя маменька тоже, а значит, надо растянуть губы в улыбке и тащиться в сад. И с деланным восхищением пялится на маленький и уже увядающий цветок.

А что будет, если мы поженимся, и думать страшно. В постели она наверняка та ещё скромница. Будет закатывать глазки, краснеть, бледнеть и вспоминать маменькины наказания о том, что приличной жене стоит быть скромной, лежать тихо и ни в коем случае не обнажаться перед мужем полностью. Тьфу.

Ладно, несколько раз потерпеть можно. Сколько там ей может понадобиться, чтобы зачать? А если сразу родит сына, могу к ней больше вообще никогда не прикасаться. Шлюхи в борделях лучше знают, как удовлетворить мужчину. Можно её отправить в поместье, пусть растит детей там. Но всё равно брак — это обязанности и совсем не видеться с женой не выйдет. А уж тем более с такой, как Марэла. Она же ещё и не согласится жить в поместье...

Я свернул на проспект Несогласных. Мой сегодняшний

напарник наверняка уже ждёт у таверны «Сытый ворон». Ольден вечно там обедает, хотя местечко то ещё. Но он утверждает, что нигде не варят такой ардентисский суп, как там, и ради этого можно терпеть не слишком чистые столы и грубоватых прислужников.

Пропустив двух пешеходов, я снова тронулся с места. Может, плюнуть и просто поехать на северную границу? Не знаешь, что лучше: навязчивая жена или малоприятная глушь, где вечные дожди, а зимой — снег, и люди неприветливые. Да ещё контрабанда, которую вроде как нужно будет пресекать. Там запросто прикончат за пару лиэнов, и никто даже труп не найдёт. Не то чтобы я боюсь погибнуть, исполняя служебный долг, но уж если быть убитым, то хоть при задержании особо опасного преступника. Или банды. Но никак не от рук пьянчуги, которому приглянулись твои сапоги.

Я притормозил у перекрёстка. Ох уж эти дилижансы. Тащатся так, что впору уснуть. Зато на севере и машина явно не нужна: там их, наверное, и не видели никогда. Заведу лошадь, куплю широкополую шляпу, буду разъезжать по окрестностям и расследовать мелкие кражи... Хотя я ведь и здесь занимаюсь примерно тем же. Вон сейчас надо ехать в поместье какого-то вшивого аристократишки: у его фермеров уже несколько раз пропадали овцы. Овцы, демоны их раздери! Как я буду искать дурацких овец? Вечно Грандес гоняет меня на пустяковые дела. Ну да, я же вроде как бес толковый следователь, мне только овец и искать.

Дилижанс проехал, и я снова нажал на педаль. В Леренсе всё привычное, родное: любимые бордели, кабаки, друзья, в конце концов. Приёмы, балы, красивые женщины, за которыми развлечения ради можно приударить. А в глуши и правда просто сопьюсь от скуки. Если отец не выполнит угрозу насчёт заклятий, что тоже та ещё перспектива.

И вроде бы женитьба не очень-то и страшна по сравнению с переводом, но как же не хочется идти на поводу у отца. Он ведь решит, что я испугался. И тут я дёрнулся от осенившей меня идеи. А что если пойти на компромисс? Ну нет, ерунда полная. Или всё же... Что, если жениться, но не на госпоже Аурес, а на первой попавшейся девице? Не простолюдинке, конечно, иначе я просто отправлюсь в глушь вместе с ней: отцу ведь не нужен позор.

Но, скажем, на какой-нибудь юной, неискушённой дурочке, начитавшейся любовных романов, которой польстит внимание такого жениха, как я? Или на некрасивой старой де-ве без особых перспектив? Чтобы была покладистой, тихой и вечно благодарной мне за шанс на семейную жизнь. Мне всего-то нужен статус женатого мужчины и наследник. Не так уж много. В ответ я могу предложить жене свободу жить так, как хочется, кроме, разумеется, любовников. Чувства и все эти страсти меня не интересуют. Хватит, уже наелся.

Только вот мне нужно спешить: до сентября всего месяц. А значит, свататься нужно прямо на днях, чтобы успеть уладить все формальности и отозвать приказ о переводе. Я тя-

жело вздохнул. Угораздило же вляпаться. Найду журналиста «Сплетника», написавшего эту статью, разобью ему морду в кровь. Где, кстати, этот демонов поворот?

В общем, решено: сегодня же пойду на приём у господина Лурдеса по случаю дня рождения его старшего сына. Там наверняка будет полно молодёжи вообще и незамужних девиц в частности. В ушах прозвучали обидные слова отца: «Вряд ли кто-то отдаст за тебя дочь». Что ж, это мы ещё посмотрим!

Я въехал на улицу Каменщиков и сразу увидел на тротуаре фигуру Арно Ольдена. Хоть его ждать не придётся, уже хорошо. Я притормозил возле него, и сыскарь, быстро открыв дверцу, запрыгнул на пассажирское сиденье.

— И как сегодня супчик? — хмыкнул я, оглядывая его потное лицо.

— Сегодня особенно отменный, господин Дэнъель. — Арно радостно потёр плоский живот. — Я аж три порции съел.

— Герой, — поддел я и тронулся с места.

Удивительное дело: жрёт этот засранец за десятерых, при этом худой, как жердь, и постоянно голодный. А мне совершенно отбил аппетит разговор с отцом.

— А что у нас за дело, господин Дэнъель? — Арно развернулся ко мне.

Я соорудил серьёзную физиономию. Сыскарь не должен догадываться, что мне поручают дурацкие дела. У меня на такие случаи и стратегия имеется: делаю вид, что принимаю

всё всерьёз, задаю кучу вопросов, стараясь не смеяться. Арно записывает, а потом все эти протоколы передаются дальше. Надеюсь, там ценят моё чувство юмора. Но это не спасает меня от новых дурацких поручений Грандеса.

— У фермеров, арендующих уголья у некого господина Мэйена, пропадают овцы. — Я постарался, чтобы голос не дрогнул от смеха. — Нам нужно найти вора и желательно овец тоже. Во всяком случае, так передал этот Мэйен, когда связывался с нашим отделом.

— Хм-м-м-м... — Арно почесал за ухом и уставился вперёд. — Интересная задачка.

Да просто ужас, до чего интересная. Меня клонит в сон при одной мысли о том, что придётся несколько часов вести допрос. А ради чего? Ради пары овец! Повезло, что вчера хватило ума не надираться в кабаке. А ведь Эльрен, ушастая задница, пытался спойть мне ещё бутылку нэрисской настойки.

— Зато пока мы там торчим, не получим других заданий. — Арно потёр руки.

— Потрясающее рвение к службе. — Я притворно нахмурился, но Ольден только беспечно пожал плечами.

— Вы не против, если я подремлю, господин Дэнъель? Всю ночь в борделе провёл.

— Везунчик, — ухмыльнулся я. — Отрываешься, пока жена в отъезде?

— Ну да. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Повезло,

что была свободная одна моя... знакомая. Уж очень у неё умелый ротик.

Ну не засранец ли? Из вредности бы наложить на него заклятие бодрствования или ещё чего похлеще. Возбуждающее, например. Пусть ходит, сюртуком прикрывается. Только вот мне лень, так что пусть живёт.

— Ладно, дрыхни, — разрешил я.

А я пока подумаю над предстоящим «расследованием». Очень смешно, конечно, называть это расследованием. Так, поглумиться и сделать вид, что подхожу к делу со всей серьёзностью. Хотя и упрекнуть меня в полной безалаберности тоже нельзя, что бы там ни нудил Грандес на совещаниях. Я, между прочим, даже немного разузнал про этого Мэйена, прежде чем ехать к нему.

Потомок обедневшего рода, после смерти старшего брата унаследовавший поместье родителей. Сорок два года, игрок, выпивоха и вообще довольно малопрятный тип, судя по тому, что имел несколько судебных тяжб с соседями. Женат, имеет двух дочерей — восемнадцати и шестнадцати лет. Воспитывает племянницу — дочь погибшего брата. Брат погиб вместе с женой, так что девица — круглая сирота. В общем, ничего особенного семейка Мэйена из себя не представляет.

Но пройдоха Ольден в чём-то прав: пока мы разбираемся с пропажей овец, пройдёт очередной обычный, ничем не примечательный день. А вечером буду искать себе невесту.

Демоны криворогие, это даже звучит, как полный бред...

Глава 2

— Женат, дети есть? — Я оторвал взгляд от листка, на котором написал вопросы.

— Нет, господин следователь. — Стоящий перед столом мужичок пожал плечами. — Не ладится у меня с бабами-то. Не умею я с ними так, чтоб понравиться. Как чего ни скажу, они только смеются. Вот приятель мой, Буво, тот вот знает, как подкатить. Меня учил, да я...

Этого Буво я уже допросил. Кроме женщин, его вообще ничего в жизни не интересует.

— Часто из поместья отлучаешься? — перебил я и постукал карандашом по бумаге.

— Нет, господин следователь. Разве что иногда в город с Буво, пропустить в кабаке по стаканчику настоечки.

— Давно ли ты в последний раз видел пропавших овец?

— Да я овец вообще не вижу, господин следователь. — Мужичок передо мной широко распахнул глаза. — Я ж всё больше между двором да кухней.

Ну да, они все так реагируют на мои дурацкие вопросы. Только вот я, кажется, уже устал веселиться.

— Да и боюсь я скотину эту всю, — прибавил мужик. — Меня однажды чуть корова не боднула, едва не обделался.

Арно сдавленно рассмеялся и тут же сделал вид, будто закашлялся, а я нахмурился, стараясь скрыть усмешку.

— Ближе к делу. Не замечал в последнее время ничего подозрительного? — Я провёл линию снизу листа. — Каких-то незнакомых людей на территории поместья? Станных происшествий?

— Нет, господин следователь. — Мужик подёргал себя за жидкую бородёнку. — Я ж всё больше между кухней да двором. Чего кухарка скажет делать, то и делаю, а на людей-то мне пялиться некогда. Я не всех и в доме-то знаю — кто чужой, кто свой.

Ничего другого я и не ожидал. Пора, наверное, заканчивать. Материала собрано достаточно, чтобы продемонстрировать начальству рвение к службе.

— Остались за дверью ещё люди? — спросил я.

— Кажись, да, господин следователь. Девчонка какая-то вроде.

— Позови её и свободен.

— Слушаюсь, господин следователь.

Мужик поклонился с таким рвением, что едва не врезался башкой в стол, и поспешил к двери. Я обернулся к Арно, который как раз зевал, кое-как прикрыв рот кулаком.

— Всё, допросим девицу и домой.

— Наконец-то! — Он заулыбался и откинулся на спинку стула. — Сколько мы тут торчим, а?

— Часов пять, по-моему. — Я пожал плечами и устало потёр глаза.

Лица работников поместья и арендаторов сливаются в од-

но. Вот и этот плюгавенький мужичонка, прислужник на кухне в одном из фермерских домов, тоже ничем не запомнился, кроме пустой болтовни. Он вообще кажется недалёким. Полезной информации добыть почти не удалось. Разве что пара слуг видела, как один из пастухов болтал с каким-то седым незнакомцем. Но все пастухи заявили, что они ни при чём, а овцы пропали ночью.

Дверь тихо открылась, и в комнату робко протиснулась худенькая девчонка лет, наверное, шестнадцати, а может, и того меньше. Чёрное платье служанки явно знавало лучшие времена: на локтях синие заплатки, подол снизу будто кем-то погрызен, ботинки запачканы, кисть руки перемотана серым от грязи бинтом.

— Доброго дня, господа, — прошелестела она и поклонилась.

— Доброго дня, — сухо ответил я. — Как тебя зовут?

— Ле... Леалана. — Она разогнулась и сделала пару неуверенных шагов к столу.

Какое-то смутно знакомое имя. Может, мы уже допрашивали её тёзку или кто-то мельком её упоминал?

— Сколько лет?

— Де-девятнадцать.

Ничего себе! А выглядит совсем юной. Ладно, идём дальше.

— Занятие? — Я почесал карандашом за ухом.

— Э-э... я д-делаю то, что в-велят, — пробормотала де-

вица, сцепив руки на животе. — Сейчас вот на кух-хне помогаю, там главная к-кухарка руку обв-варила.

Боги, она ещё и заика? Может, тоже недалёкая, как тот мужик? Взгляд какой-то пустой.

— Заикаешься с детства?

— Н-нет... то есть д-да... когда с-сильно волнуюсь. — Девушка опустила глаза на свои грязные ботинки.

— А с рукой что?

— Вчера п-полоснула ножом, когда н-нарезала лук для с-супа, господин с-следователь.

Ещё и неумеха, судя по всему. Но мордашка вполне ничего. Чуть вздёрнутый нос, соблазнительные губы, которые она явно кусала перед тем, как сюда зайти. Светло-русые волосы, слегка выющиеся, убраны в не слишком аккуратную причёску, но оно и понятно: на кухне наверняка носит чепец.

— Ясно. С кем из слуг близко общаешься, дружишь?

— Ни с-с кем, господин с-следователь.

Я вскинул брови. Удивительное дело, чтобы совсем юная девушка не имела подруг. В господском доме прислуги немного, а вот у фермеров есть служанки примерно её возраста.

— Вообще? — Я занёс карандаш над листом и снова провёл линию.

— С-со мной не очень-то х-хотят д-дружить. — Девушка слегка пожала плечами. — Но я и н-не набиваюсь.

Ладно, хоть что-то забавное под конец этого сумасшедшего дня. К делу не относится, просто любопытно. Я поднял

взгляд на допрашиваемую.

— Почему не хотят? Стучишь, что ли?

Девушка — как там её? — вскинула на меня взгляд. И наконец-то в глазах промелькнуло что-то живое. Возмущение? А глаза у неё, кстати, зелёные, с длинными, тёмными ресницами. Бровки аккуратные, чуть темнее волос. На щеках появился румянец.

— Ник-огда в жиз-зни ни на кого не с-стучала. — Она снова опустила голову: запал явно прошёл. — Но они д-думают, что буду, п-поэтому не общаются.

— С чего бы им думать такое, если ты не стучишь?

Интересно, она спросит, какое это имеет отношение к делу?

— Од-днажды был с-случай, — прошелестела Леалана и уставилась на свои сцепленные на животе руки. — Прежняя кухарка в-взяла себе с-серебряную ложечку. У неё дочка з-заболела, и кто-то ей с-сказал, что нужно кормить б-большую ис-сключительно с серебряной л-ложки. Так вот, кухарка вроде с-собиралась в-вернуть ложку, но так и не с-сделала этого. А то, что она её б-брала, видела не т-только я. Она и не с-скрывалась.

Девушка побледнела и закусила губу. Воспоминания её явно тяготят.

— В общем, кто-то з-заложил её. Думаю, это с-сделала горничная Клэйра: у них давняя неприязнь. Но все реш-шили, что это я рассказала. С тех пор ув-верены, что я про вс-

сех рассказываю. Но это неп-правда.

— Прислуга фермеров тоже с тобой не общается? — Я исчертил уже почти весь лист, куда записал примерные вопросы. Они больше не пригодятся.

— Н-нет, гос-сподин следователь. Да мне и некогда д-друзей заводить. Я без д-дела не с-сiju.

— Работашь только в доме?

— К-когда как, гос-сподин следователь. Бывает, с-садовнику п-помогаю или под-дметаю дорожки перед д-домом.

— Ничего подозрительного в последнее время не замечала? Может, каких-то новых людей?

— Н-нет, не в-видела. Да я и не с-смотрю.

Понять бы, изображает она дурочку или правда немного не в себе? Есть что скрывать? Хотя выглядит она, скорее, запуганной.

— Что, неужели совсем ничего вокруг не видишь?

Девушка помотала головой и заправила за ухо прядь волос.

— С господами и арендаторами не пересекаешься? — Я отложил карандаш и откинулся на спинку стула.

— С-стараюсь поменьше попадаться на глаз-за, гос-сподин с-следователь.

— А дружок или жених у тебя есть?

Она заметно вздрогнула, побледнела и закусила губу. На лице явственно отразился страх.

— П-пока н-нет, господин с-следователь. Д-дядюшка собирается выдать меня за с-своего друга, гос-сподина Гор-

реса, он наш с-сосед. Но они только обс-суждают наш воз-возможный брак, догов-вор не з-заклучали.

По спине пополз противный холодок. Так, стоп. Дядюш-как? Чей дядюшка? Неужели она...

— Какого дядюшку ты имеешь в виду? — Я резко выпря-мился в кресле.

— Моего д-дядюшку, гос-сподина Руайе Мэйена. — Дев-чонка ссутулилась и снова уставилась на свои руки.

Меня будто ледяной водой окатило. Вот это я попал впро-сак! Принял племянницу хозяина за служанку. Хотя... она, похоже, тут и есть служанка. Дочек хозяйских мне увидеть не удалось: вроде как гостят у какой-то троюродной тётки. Я думал, что и племянницу допрашивать не дадут. Что ж, придётся всё же извиниться.

— Прошу простить мне фамильярность, госпожа Мэйен. Вас почему-то привели последней, и мне даже в голову не пришло, что вы племянница господина Мэйена.

Девчонка подняла на меня взгляд.

— О, не с-стоит извинений, гос-сподин... — она запну-лась и снова опустила глаза.

— Капитан Дэнъель Маллорис к вашим услугам. — Я слегка наклонил голову. Ну не вставать же, в самом деле.

— Оч-чень приятно, гос-сподин Маллорис. — Леалана поклонилась.

— Взаимно. И всё-таки мне неловко, что не распознал в вас племянницу господина Мэйена. Садитесь, прошу вас.

— Д-да я постою. — Леалана отмахнулась и даже отошла немного от стоящего рядом стула. — Я с-сегодня и т-так мн-ного с-сидела, п-пока чис-стила ов-вощи.

— Что ж, не смею настаивать.

Напряжение отпустило, и я снова принял расслабленную позу. Ладно, вроде бы недоразумение разрешено. Надо, наверное, как-то закончить допрос. В комнате повисла тишина. Нарушил её неприятный металлический звук. Я поморщился и обернулся к Арно: ну точно, эта сволочь уронила портсигар. Каких демонов он ему понадобится в доме? Леалана дёрнулась так, словно портсигар прилетел ей в голову. Я поморщился и прожёл помощника взглядом.

— Простите, господин Дэн... то есть господин капитан. — Тот покаянно потупился. Он, конечно, не раскаивается, всего лишь для вида соблюдает субординацию.

Я снова повернулся к девице напротив. Она уже справилась с испугом. Выпрямилась и снова сцепила руки на животе. А вообще-то, девчонка и правда ничего. Если её приодеть, нанести на личико все эти модные женские штуки, немного откормить, а то уж больно тощая... ей тут есть не дают, что ли? В общем, если привести её в порядок, будет вполне миленькой. Сгодится на роль жены Дэнъеля Маллориса.

— Что ж, госпожа Мэйен, — я откашлялся, нарушая молчание, — может, вам есть что мне рассказать? Уверяю вас, я всегда соблюдаю тайну следствия, и о ваших словах никто

не узнает. Даже дядя.

— Мне н-нечего рассказать, гос-сподин капитан. — Леалана прямо посмотрела на меня. — Я п-правда не в-видела и не с-слышала н-ничего подоз-зрительного. Только про то, что с-стали исч-чезать овцы: д-дядюшка очень ругалс-ся, что н-нужно вызыв-вать... с-следователей... И вс-сё.

Я устало вздохнул.

— В таком случае, можете идти, госпожа Мэйен. Пожа-луйста, если вас не затруднит, найдите дядюшку и попросите прийти сюда.

— О, к-конечно, гос-сподин М-маллорис. Б-была рада п-познакомиться. — Девушка бросила взгляд на Арно и робко кивнула. Точно, я же его не представил. А, ладно. Обойдётся. Я кивнул.

— Взаимно, госпожа Мэйен.

Леалана отвесила нам торопливый поклон и почти бегом кинулась к двери. Мгновенно скрылась, осторожно прикрыв её за собой.

— Странная какая, — подал голос Арно. — Не врёт ли часом, что племянка хозяина? Уж больно платье драное да и вообще...

Я повернулся к помощнику. Тот сидит перед кипой бумаг, которую успел исписать за несколько часов допроса, и вертит в руках портсигар. А ведь выходил курить полчаса назад!

— Не думаю, что ей есть смысл врать. Это же легко можно проверить. — Я с деланным равнодушием пожал плечами.

— Слушай, если хочешь, собирай бумаги и иди к машине. Я переговорю с Мэйеном и поедем обратно.

Едва я договорил, как Арно уже вскочил на ноги.

— Спасибо, господин Дэнъель! — Он принялся торопливо сгребать бумаги.

— Эй, осторожнее, — прикрикнул я. — Помнёшь, начальство не примет. Заставлю переписывать. Опять забыл в кабинете папку?

— Простите, господин Дэнъель. Уж очень я замучился сегодня, да и курить жуть как хочется.

Арно замедлился, но всё равно кипа получилась неровная. Он прижал её к себе, подхватил папку с остатками бумаги и свои ручки и быстро зашагал к двери.

— И не смей курить в машине, — проворчал я ему вслед.

— Мне голова дорога, — загоготал засранец и скрылся.

Я откинулся на спинку стула. А ведь в чём-то Арно прав: девица не похожа на племянницу хозяина. Уж слишком бедно одета, взгляд затравленный, манеры оставляют желать лучшего. Ведь она же должна была учиться в пансионе или хотя бы на дому. А она тут девочка на побегушках. Что бы сказал мой отец, приведи я в дом такую невесту? Я невольно хмыкнул. Ну-ну. Точно спалил бы что-нибудь, даже несмотря на защитные амулеты.

«Папенька, познакомьтесь, это моя невеста. Вы не смотрите, что у неё платье всё в заплатках, так-то она из аристократического рода». Звучит, как бред. Или...?

Ну нет. Не настолько всё у меня плохо, чтобы возиться с какой-то заикающейся замарашкой. В голове противным звоном зазвучали слова госпожи Аурес:

«Ах, Дэньель, вчера приезжала моя сестра с племянницами. Боги, какие же они хорошенькие! Настоящие куколки! Я жду не дождусь, когда у меня будут свои ребятишки».

Ага, детей она хочет. Только с её ханжой-маменькой она вряд ли знает, как именно эти самые дети делаются. И от вида члена наверняка в обморок грохнется. Есть, конечно, шанс, что Марэла лишь притворяется скромницей, но всё равно она противная. Меня пробрал озноб, и я потёр руки, чтобы согреться. Может, и в самом деле лучше один раз привести в порядок тихую, скромную сироту, чем всю жизнь терпеть визгливое обожание и капризы светской красотки? Тем более что обожание вполне может смениться ненавистью...

Я выпрямился и закусил кончик карандаша. Да может, этот Мэйен ещё и не отдаст мне племянницу. Вон она вроде уже просватана за какого-то соседа. Но, думаю, спросить всё-таки стоит. В конце концов, нет так нет.

Интересно, почему он сделал из племянницы прислугу? Из соображений экономии? Или дочери тоже выполняют работу по дому? Жену его я допрашивал. Бледная тень, а не женщина. Говорит почти шёпотом, в лицо не смотрит, отвечает только: «Супругу лучше знать. Как скажет супруг. Это вам надо у супруга спрашивать».

В дверь очень тихо постучали, но ждать ответа Мэйен не стал. Протиснулся в щель и поклонился.

— Вызывали, господин капитан? — Он прошёл к столу и плюхнулся на стул.

Мужик на вид не слишком приятный: седые патлы давно не мыты и собраны в неаккуратный хвост, лоб прорезан глубокой складкой. Одежду он явно меняет редко, в бороде запутались остатки какой-то еды. Похоже на морковь. И, кажется, меня сейчас потянет блевать.

— Да. Хотел сказать, что на сегодня допрос окончен. Мы изучим полученные сведения и, возможно, придётся ещё раз потревожить ваших людей, если нас кто-то особенно заинтересует.

— О, конечно, конечно, господин капитан. В любое время дня и ночи! Я верю в наше доблестное правосудие. — Мэйен глянул на меня с явно притворным уважением. Ну да, такой субчик наверняка зачитывается «Сплетником». И называет он меня не по фамилии.

— В таком случае на этом я вынужден с вами попрощаться. — Я сгрёб со стола свои бумаги. — Но у меня есть к вам вопрос.

— Да? — Мужик как-то разом будто сжался. Есть что скрывать?

— Если я правильно понял, девушка, которую мы допрашивали последней, ваша племянница?

— Да, господин капитан. Дочка моего покойного старше-

го брата, да будет ему уютно за Гранью. А что? Вы в чём-то подозреваете её?

Взгляд стал цепким и холодным, но всё же он явно расслабился, поняв, что речь пойдёт не о нём. Надо взять этого типа на заметку. Очень он мне не нравится.

— Нет-нет, простое любопытство.

— Леле очень милая девочка, но, конечно, не без проблем. Как и любой ребёнок. Я много сил приложил к её воспитанию: люблю её как третью дочь.

— И поэтому она выполняет обязанности прислуги? — Я приподнял брови и открыл папку для бумаг.

Мэйен, однако, ничуть не растерялся. Даже взгляд не отвёл.

— Совершенно верно, господин капитан. — Он почесал ухо. — Приучаю девочек к труду с раннего возраста. Мы, знаете ли, не настолько богаты, чтобы на каждое поручение отдельного слугу иметь. К тому же, им замуж идти: надо возвращать покорность.

— Значит, ваши дочери тоже помогают прислуге?

— Разумеется. — Однако Мэйен всё же мимолётно отвёл взгляд.

— Ваша племянница уже за кого-то просватана?

А вот теперь он, кажется, немного растерялся. Видимо, не ожидал вопроса.

— Э-э, скажем так, официального договора я пока не заключал, но на девочку давно имеет виды мой сосед и доб-

рый приятель. — Мэйен поскрёб свою сальную башку. — Мы никак не сговоримся о сумме выкупа. Я не хочу проделывать, всё-таки племянница, а не какая-нибудь там корова. А он, конечно, не согласен платить много: мол, она же бесприданница.

Вот ушлый боров! Даже приданого «любимой племяннице» не даст?

Я немного помолчал, собираясь с духом. Никогда не страдал излишней робостью, но уж слишком важное решение предстоит.

— Дело в том, что я хотел бы предложить вам брачный договор. Сколько вы хотите за него?

Мэйен вытаращился на меня, словно я сморозил какую-то чушь, раскрыл и снова закрыл рот и стал очень похож на подышающую рыбину.

— О, господин Маллорис! — наконец воскликнул он и аж всплеснул руками. — Такому человеку, как вы, я отдам её вовсе без выкупа. Но... простите, конечно, за вопрос... почему именно Леле? — Он заискивающе улыбнулся. — Может, лучше посмотрите моих дочек? Лув, правда, всего шестнадцать, однако она выглядит уже совсем взрослой. Ну а Маль и вовсе лишь на год младше Леаланы и уж точно превосходит её по красоте и женственности. О, да к ней сам сын министра пожарной безопасности сватался!

Я еле удержался, чтобы не фыркнуть.

— Что же вы не отдали её? — Насмешку в голосе, кажется,

скрыть не вышло.

— Нам просто перебежали дорогу. Его отец, как оказалось, уже договорился о другой кандидатуре... — Мэйен скривился и взмахнул рукой. — Мальчик не стал перечить его воле. Так как, посмотрите девочек?

— Подождите-подождите. — Я выставил вперёд ладони. — Они же в гостях, если я правильно помню. На допросе я их, во всяком случае, не имел чести видеть.

Мой визави, однако, снова не смутился.

— Именно так, господин Маллорис. Но ради такого жёниха, как вы, я завтра же за ними поеду.

— Не утруждайтесь. — Я нахмурился. — Мне всё же хотелось бы обговорить брак с вашей племянницей.

Мэйен покашлял и снова поёрзал на стуле.

— Но девочка бесприданница. Да и наследственность... — Он выпрямился и поправил засаленный ворот рубашки. — Зачем она вам? Её мать происходила... из крайне неблагополучной семьи. Отец её, то бишь дед Леле, пропил всё состояние. Наши достойные родители так противились их браку с Алансисом. Но он выбрал её, а она промотала все его деньги. После их гибели счета оказались пусты.

Что-то слабо верится. Скорее всего, сам же и прикарманил деньги брата, а его дочку сделал прислугой. Сплошная выгода.

— Поверьте, господин Мэйен, приданое невесты мне совершенно безразлично. Я вполне способен сам обеспечить

семью, без помощи жены.

— О, конечно, конечно, понимаю вас. — Он нервно закивал.

— Какой выкуп вы хотите за договор? С условием, что он будет подписан прямо завтра.

Мэйен округлил свои водянистые глазёнки с красными белками. Заливает, похоже, каждый день и помногу. Впрочем, не мне его судить. Он сглотнул. Явно боится упустить выгоду.

— Нет-нет, господин Маллорис! Для меня честь породниться с вашим distinguished семейством. Я не могу просить с вас денег.

— И всё-таки я хотел бы, чтобы всё было согласно традициям.

— Ну, мой сосед предлагает триста лиэнов. Я же прошу у него пятьсот.

Я пожал плечами.

— Даю тысячу лиэнов и приезжаю завтра с контрактом. Могу внести залог в сотню под магическую печать.

Сам не знаю, почему так хочу гарантий. Лучше быть уверенным, что этот изворотливый тип не перепродает кому-то девчонку, пока я занимаюсь служебными делами и вожусь с контрактом. Неужели так боюсь ехать на северную границу? Или брака с госпожой Аурес?

— О, господин Маллорис! — Мэйен от волнения аж вспотел: вынул из кармана серый платок, явно бывший когда-то

белым, и промокнул лоб. — Да это... это даже больше, чем я смел бы просить... Не нужно залога, разве я оскорблю такого человека, как вы, обманом? Считайте, что брачный договор уже подписан.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Он выдержал мой взгляд и даже заулыбался.

— Отлично. — Я сухо кивнул.

— Господин Маллорис... — Мэйен скомкал платок. — Я только хотел сказать... наша семья сейчас в довольно... бедственном положении. Много нужно вкладывать в имение...

В груди начал разрастаться ком. Иногда даже жалею, что я не маг огня, как отец. Сейчас бы немного напугать этого типа. Можно, конечно, отправить его порталом куда-нибудь к демонам на рога, да только сначала надо подписать договор.

— Вам мало тысячи лиэнов? — Я вскинул брови. — Уж простите мне прямоту, но ваша племянница явно и столько не стоит.

— Что вы, что вы, я не об этом! — Мэйен снова промокнул лоб. — Просто мы, наверное, не сможем вложиться в свадебное торжество...

— Ах, вот оно что. — В душе разлилось чувство облегчения. — Не волнуйтесь, особых торжеств я не планирую. Мне, возможно, скоро придётся отбыть к другому месту службы, поэтому я не стану выжидать положенный год. Мы поженимся через три месяца в узком кругу близких и друзей. От вас ничего не потребуется.

И присутствия на свадьбе тоже. Но об этом он узнает, когда будет подписан договор.

— Как вам будет угодно, господин Маллорис.

Я захлопнул папку, пристроил карандаш за ухом и поднялся.

— В таком случае, до завтра, господин Мэйен. Буду у вас вечером, примерно в половину седьмого, как только закончу с делами.

— Буду ждать. — Мэйен тоже вскочил, и у меня в носу защипало от запаха его пота.

Я поморщился, но он явно ничего не заметил. Отвесил мне низкий поклон. Я ответил на него лишь лёгким наклоном головы и направился к двери.

— Я лично провожу вас. — Мэйен обогнал меня и распахнул дверь.

— Благодарю. — Я пожал плечами и вышел в коридор.

Наверняка уже через пять минут пожалею о скоропалительном желании жениться на незнакомой сироте. Но сейчас уверен, что любое решение лучше, чем покоряться воле отца и жениться на той, кого выбрали они с маменькой, а не я сам. Сирота и бесприданница наверняка будет благодарна за тихую и безмятежную жизнь в поместье. Там она станет хозяйкой, и ей это точно понравится больше, чем роль прислуги здесь. Во всяком случае, хочется надеяться.

Глава 3

Леалана

Я вошла в свою крохотную комнатку под крышей, кое-как закрыла покорёженную дверь и привалилась к ней спиной. Кожа заныла и зачесалась, напоминая о ещё не заживших следах дядюшкиного ремня. Вроде бы сегодня я ничем не провинилась: работала усердно и даже все тарелки остались целыми, пока мыла посуду. Однако дядя может прийти в любой момент, если вдруг обнаружит какой-то мой промах.

Из груди сам собой вырвался усталый выдох. Ноги налились тяжестью и больше, кажется, не хотят двигаться. И всё же придётся. Я кое-как отлепилась от двери и подошла к ручкомойнику, висящему над жестяным тазом. Надеюсь, вода ещё осталась. Не хотелось бы снова спускаться. К тому же, дядюшка может увидеть, что я набираю воду. Тогда точно неприятностей не избежать.

Я подняла носик и с облегчением улыбнулась. Вода есть, а значит, хоть умоюсь перед сном. Набрала в ладони воды и уткнулась в них лицом. В комнате, как и всегда летом, жара стоит невыносимая. А зимой здесь жуткий холод, так что даже два одеяла не спасают. Я кое-как потёрла лицо: мыла у меня нет.

И тут дверь комнатки с шумом распахнулась. Я дёрнулась и быстро выпрямилась. Колени мгновенно стали ватны-

ми. Но к первому удару лучше быть готовой... Дядя застыл на пороге. Странно, но он вроде бы не злится. Ремень на месте, лицо не красное, как обычно по вечерам...

— Иди вниз, примешь ванну, — буркнул он, ткнув пальцем себе за спину. — Там осталась вода после Арданы. Завтра примерно к шести вечера переоденься в чистое платье: выбери, какое получше. Я тебя заберу с кухни, как время придёт.

— Но 3-зачем, д-дядюшка? — Собственный голос стал тонким и жалким.

— Не твоего ума дело. Выполняй, что велят, и желательно молча. И поторопись, если не хочешь мыться в холодной воде.

Он загоготал так, что стёкла в обветшавшей раме задрезжали, резко развернулся и вышел. Я заметалась по комнате. Нужно прихватить полотенце, мочалку, халат. Мыло мне можно брать общее, в ванной. Я подбежала к старому шкафу. Дверца на нём тоже покосилась, когда дядюшка однажды ударил по ней кулаком, настоящий цвет теперь и не определить. Я схватила халат, выдвинула ящик и достала полотенце. Мочалку сорвала с крючка возле окна. Прижала к груди всё это добро, метнулась к двери и бросилась вниз по лестнице.

Под ложечкой неприятно заныло. Зачем мне сегодня мыться? Нет, мыться я, конечно, люблю, вот только ванну мне разрешается принять только раз в неделю, по воскресе-

ням. Но сегодня вторник, до конца недели далеко. Позавчера вымыться мне не дали: дядя всё ещё злился из-за разливого на его стол отвара. В то, что у меня нога поехала на коже от яблока, он не поверил, пришёл вечером ко мне в камеру и несколько раз ударил ремнём по спине.

Я сбежала на второй этаж и с опаской подошла к приоткрытой двери господской ванной. В доме тишина: кухни до завтрашнего вечера гостят у соседей, с дочерьми которых дружат, поэтому не слышно их постоянных споров и криков. Только в спальне в конце коридора дядя чему-то возмущается.

— Да плевать мне. Откажется — так пусть к демонам в пекло катится. Буду я ещё из кожи вон лезть.

Тётушка, наверное, что-то прошелестела в ответ, но я не стала слушать дальше. Включила свет и просочилась внутрь. Ванна наполнена почти целиком, и вода вполне чистая на вид. На полу лужицы. Нужно будет их вытереть, не то точно получу. Я заперла дверь на задвижку, быстро скинула с себя платье и сорвала с руки повязку: потом завяжу снова. Забралась в едва тёплую воду. Ладно, сетовать бессмысленно, спасибо и на этом. И вообще, стоит поспешить: неизвестно, как в следующую секунду изменится настроение дядюшки.

Спина тут же заныла, и я сжала зубы. Взяла мыло и принялась быстро намыливать мочалку. Почему же дядюшка вдруг разрешил мне принять ванну? Неужели простил мою оплошность? И о ком он только что говорил с тётушкой? А что ес-

ли... Меня вдруг обдало холодом. Неужели он наконец сговорился с господином Горресом, и тот приедет заключать договор? По телу от ужаса побежали колкие мурашки.

Похоже, что так, иначе к чему мне надевать платье получше? Перед глазами встал господин Горрес: седой, обрюзгший, со свисающим животом, на котором еле сходится сюртук. Он старше дядюшки, у него взрослые дети и он дважды вдовец. И обе его жены погибли при весьма странных обстоятельствах, но никаких доказательств против мужа не нашли. Одна утонула в пруду, вторая неудачно упала... И кто знает, не стану ли я следующей? Что ещё можно сделать случайно, чтобы умереть?

В глазах защипало, и я судорожно сжала мочалку. В последний раз он приезжал примерно месяц назад, и они точно говорили о нашей свадьбе. И хотя снова не сговорились насчёт суммы выкупа, господин Горрес, видимо, давно считает наш брак делом решённым. С каждым визитом он отпускает всё более сальные шуточки на мой счёт.

«Леле, что-то на твоём платье стало ещё больше заплаток. Ну ничего, станешь моей женой, платье тебе и вовсе не понадобится: зачем оно в спальне? А я не намерен тебя оттуда выпускать».

«Деточка, ты что-то подложила под лиф или грудки подросли?»

И всё в таком духе. А в последний свой визит к дядюшке господин Горрес и вовсе разошёлся. Пока я подавала им

эль и закуски, шлёпнул меня пониже спины и подмигнул. Я только опустила голову, чтобы не нарываться.

— Обещаю, куколка, что в моём доме ты будешь госпожой. А если не станешь слушаться, буду шлёпать. Особенно в спальне. Но вообще-то я добрый и, пожалуй, позволю тебе себя отшлёпать в отместку. — И противно загоготал. Смеялся так, даже начал хрюкать. Дядюшка к нему присоединился. А ведь, наверное, должен был осадить.

Я быстро принялась тереть кожу. Если бы можно было смыть с себя эти воспоминания! Неужели завтра всё решится? Я рвано вздохнула. И ведь никуда не денешься: бежать мне некуда, за помощью обратиться не к кому... А если бы и было к кому, что я бы сказала? Что мне просто не нравится жених? Так я не первая и не последняя невеста, выданная за нелюбимого.

Нужно скорее вылезать и идти к себе. Провести последнюю спокойную ночь. По сравнению с тем, что ждёт меня в браке с господином Горресом, даже жизнь в доме дядюшки не так пугает. Здесь хотя бы всё уже привычно, а там — неизвестность. Закончив, я быстро вытерлась полотенцем, надела халат и тщательно затянула пояс: вдруг встречу дядюшку, и он снова станет пялиться, куда не следует.

По лестнице, несмотря на усталость, я почти взбежала. К двери в свою комнатку подошла очень тихо и прислушалась. Вроде бы внутри никого нет. Несмело вошла и выдохнула. Повесила полотенце на спинку кровати, мочалку снова при-

строила на гвозде возле окна. Ну вот, а теперь нужно заняться платьем. По коже снова разбежались мурашки. Как же это жутко: выбирать платье для встречи с господином Горресом.

Я распахнула дверцы шкафа. Выбор, прямо скажем, невелик. Если бы я не боялась гнева дядюшки, нарочно надела бы сегодняшнее платье — самое старое и ветхое из моего скудного гардероба, к тому же в заплатках на видных местах. Да ещё подол порван Торром пару месяцев назад. Не знаю, что ему взбрело в голову, но когда я однажды принесла ему еду, он схватился зубами за моё платье и не отпускал. Никакие уговоры не помогали. Пришлось дёрнуть и бежать: хорошо хоть пёс на цепи. И всю ночь я потом пыталась спасти подол.

Как же неудачно вышло, что именно в нём меня видел тот симпатичный следователь... Я вздохнула и привалилась плечом к шкафу. Вот бы у меня было такое же красивое красное платье, как у Маль во время её первого бала... И как могло бы всё обернуться, если бы мы с этим господином Маллорисом встретились на балу или светском приёме, а не на допросе. Я бы в своём красном платье вошла в зал, и нас представили бы друг другу как положено...

«Очень приятно познакомиться, госпожа Мэйен. Могу ли я попросить вас о первом танце?»

А я бы благосклонно склонила голову и улыбнулась.

«О, конечно, господин Маллорис, буду счастлива».

Я тяжело вздохнула. Конечно, приятно помечтать, только вот на самом деле я предстала перед ним в драном и зала-

танном платье, с растрепавшейся причёской. Хотя... а что изменилось бы, будь у меня приличное платье и аккуратно уложенные волосы? Скорее всего, этот следователь женат, он же явно намного меня старше. Да и разве может такой видный мужчина быть один? Глупость какая! Я издала грустный смешок. Всё так, но ведь помечтать-то можно!

Я здесь почти не вижу молодых парней, разве что некоторых пастухов и сыновей фермеров. Дядюшкины гости обычно старые и непривлекательные, как господин Горрес. И снова при мысли о нём по спине пробежал холодок. Мы поженимся, он увезёт меня в своё поместье и... Нет, об этом даже думать не хочу. Не хочу представлять, как его толстые пальцы трогают меня. А как с ним целоваться? У него губы всё время какие-то синие. К горлу подкатила тошнота. Я знала, что этот момент наступит, но надеялась, что ещё нескоро: уж слишком дядюшка и его приятель жадные, ни один не уступит. Однако, видимо, кто-то наконец уступил.

Я снова вздохнула и с тоской посмотрела на свои немногочисленные платья. Тёмное-синее с белым воротничком, ещё пансионское. Коричневое, домашнее, оно мне доспалось почти новым, потому что Маль не понравилось. Дядюшка в тот день рвал и метал.

— Да как тебе только не стыдно! Потратила такие деньжищи на тряпку, а теперь «не нравится»? Вот как с вами вообще иметь дело?! Ну не девке же его отдавать!

И всё-таки оно мне досталось. Дядя пришёл, швырнул мне

его скомканным в лицо и проорал:

— Хоть ты носи, дура.

Ну а что? Я не привередливая, ношу. Правда, оно теперь тоже уже совсем-совсем не новое. Я перебрала платья. Разумеется, сегодняшнее в расчёт вообще не беру. Парочка тёплых шерстяных, конечно, тоже не годятся: их я ношу зимой. Старенькое пальто висит в самом углу, тоже ждёт, когда наступят холода. Накидка на случай, если нужно выехать в город. Только я там не была уже, наверное, год, если не больше. Что ж, остаётся только выходное, светло-зелёное, с кружевами на рукавах и воротничке. Его сшили специально для меня, и носить такую красоту можно лишь по праздникам или когда приезжают гости. «Чтобы я за тебя не краснел», — так сказал дядюшка, когда разрешил портнихе снять мерки и с меня тоже. Надевать его страшно, ведь оно единственное приличное. Вдруг я его как-то запачкаю?

Я никогда не мечтала о красивых платьях. В конце концов, те, что отдала мне Маль, хорошенько поносив сама, до поры до времени выглядели вполне прилично. Вот только дядюшка достаточно скуп, и дочерям новые платья достаются нечасто, а уж мне и вовсе мало что перепадает. Но сегодня впервые захотелось быть красивой в глазах незнакомого мужчины. И выходное платье надеть ради него, а не противного господина Горреса с сальным взглядом и кривыми губами.

А может, дело не в нём? Мало ли, почему дядюшка попросил приодеться. Что, если к нему приезжает какой-то важ-

ный гость из столицы? Такое уже бывало, и тогда он собирал всех слуг и велел быть опрятно одетыми, помалкивать и ходить по стеночке. Что ж, завтра всё станет ясно, но дядюшку определённо лучше не злить. И сейчас стоит поскорее выключить лампу и лечь спать.

Я забралась на кровать, взяла длинную палку и кое-как приподняла створку окна. Днём её лучше держать закрытой, а то станет ещё жарче, да и насекомых налетит полная комната. А вот на ночь я его открываю. Из щели потянуло приятной ночной прохладой. Сколько сейчас времени? Одиннадцать вечера? А может, уже полночь?

Быстро переоделась в ночную сорочку, сняла с кровати старенькое лоскутное покрывало, повесила на спинку стула и забралась под одеяло. Всё-таки приятно ложиться спать чистой. Особенно когда весь день возилась в кухне и насквозь пропахла едой.

Я вытянулась на кровати и закрыла глаза. За день устаю так, что обычно засыпаю мгновенно. Но несколько минут у меня есть, можно помечтать. Я бы почитала, но книга, которую взяла у Сэйсилы на прошлой неделе взамен на мытьё посуды, уже закончилась. Где достать новую, пока не знаю. Кузины не дают мне свои, а старые, из общей библиотеки, все уже зачитаны до дыр: их я помню почти наизусть.

Что ж, помечтать тоже приятно. Вот, например, можно представить, будто у меня не четыре платья, а целый шкаф. И я подбираю наряд для встречи с господином Маллорисом

на балу. На том самом, где он позже пригласит меня танцевать...

Где-то под потолком истошно зажужжала муха и затихла. Наверное, попала в сети паука. Как я — в сети господина Горреса. Завтра его экипаж подъедет к дому. Служанки вполголоса начнут шутить, будто меня рядом нет, и рассказывать всякие непристойности. В прошлый раз я получила новую порцию откровений.

— О, глянь-ка, к нашей заике приехал женишок! Небось истосковалась по нему, бедняжка, — сказала кривая Бэсса, прижав свой толстый нос к оконному стеклу.

— И не говори, по такому видному мужику чего ж не скучать? — Кухарка высыпала на стол передо мной крупу. — Я слышала от одной его бывшей служанки, что он до баб весьма охоч. Её, говорит, тоже в углу зажимал да засаживал поглубже. А ещё по заднице шлёпал. Но той нравилось, она и сама была та ещё развратница. У каких господ ни служила, всем давала за милую душу.

— Ты потише языком-то мели. — Бэсса отлепилась от окна, подошла к кухарке и понизила голос. — Не ровён час, заика дядюшке своему донесёт, о чём мы тут болтаем.

Они глянули на меня и весело захихикали.

Что же они скажут завтра? Сердце болезненно забилось о рёбра. Дядюшка, как обычно, придёт в кухню сам, велит мне их обслужить. Я налью в графин эля или их любимой наливки, соберу тарелку с сыром, балыком, солёной рыбой,

отнесу всё это на подносе в гостиную...

— Ну что, вот всё и свершилось, деточка, — потирая руки, скажет господин Горрес. — Осталось немного подождать, и поедешь ты со мной в поместье. Тебе понравится, обещаю. — И подмигнёт.

Я повернулась на бок. В глазах защипало, и я уткнулась лицом в подушку. Я давно уже запретила себе плакать, но сейчас просто не могу сдержаться. Я не хочу замуж за противного Горреса. Не хочу видеть его каждый день, слушать его каркающий, натужный смех и сальные шутки, терпеть его ласки, рожать ему детей, в конце концов!

Слёзы, однако, так и не пролились. Наверное, их во мне просто уже не осталось. Что ж, неизбежное всё равно случится. Утешает лишь, что свадьба не завтра. У меня есть ещё по крайней мере три месяца: вряд ли Горрес станет ждать дольше. Кто знает, вдруг я за три месяца что-нибудь придумаю? Я привыкла искать хоть что-то хорошее даже в самых мрачных ситуациях.

— Если Горрес всё-таки не раскошелится, я тебя в бордель продам, — сказал мне однажды вдрызг пьяный дядюшка, охаживая мокрым полотенцем уже даже не помню, за что. — Там спрос на девственниц. Поимеет тебя какой-нибудь богачей, охочий до невинных девиц, а я хоть денег получу. Ну а потом будешь обычной шлюхой. Тебе туда и дорога, как твоей блудливой мамашке.

И я потом много раз думала, что же страшнее: бордель

или семейная жизнь с господином Горресом? Я перевернулась на другой бок, взбила куцую подушку: перья из неё почти вылезли. Получается, у меня и выхода нет: так или иначе придётся быть чьей-то игрушкой. Привычнее терпеть побои и унижения от дядюшки. Лучше, чем неизвестность, в которой я стану грязной, использованной, ничтожной и останусь всё такой же бесправной... Но ведь дядюшка всё равно не оставит меня в своём доме, ему всегда нужны деньги.

Тело ныло от усталости, мысли начали путаться. Утро знает лучше ночи, как любит говорить тётушка Ардана. Утро... утро, которое не принесёт ничего, кроме новых страданий. Но пока у меня есть целая ночь. И можно поспать... Тяжёлые веки сами собой смежились.

...Я покрутилась перед зеркалом. Подол красного платья взметнулся вверх. Сидит оно, как влитое: разумеется, ведь его сшили для меня. Лиф узкий и, что странно, моя грудь в нём вовсе не плоская, а очень даже округлая, да ещё приподнята. Волосы собраны в высокую причёску: по обеим сторонам лица спускаются локоны. Я сама себе кажусь хорошенькой.

В отражении вижу, как ко мне подходит господин Маллорис в парадном сюртуке. Смотрит восхищённо и улыбается. Я тоже улыбаюсь и оборачиваюсь к нему. Любуюсь его стройной, подтянутой фигурой и красивыми, ярко-голубыми глазами. Как хорошо, когда можно вот так в открытую смотреть на человека, а не опускать глаза в пол. В груди тре-

пешет что-то новое, незнакомое. Предвкушение?

Он подходит и кладёт руки мне на плечи. Я вздрагиваю от непривычного прикосновения. Может, он меня сейчас поцелует? Интересно, как ощущается поцелуй с мужчиной? Он, однако, не целует, перемещает одну руку мне на талию, а второй поглаживает спину. Я расслабляюсь в его объятиях и сама прижимаюсь к нему. Даже не краснею от смущения, просто наслаждаюсь моментом и его близостью. Внизу живота будто начинает скручиваться тугой узел. Сама не понимаю, чего сейчас хочу, но с радостью осталась бы вот так навсегда. Где-то рядом раздаётся громкий, резкий звон, и я в ужасе распахиваю глаза.

Сон, это был просто сон. И меня разбудили в самый неподходящий момент... Внизу живота по-прежнему ощущается тяжесть. И снова этот звон... Будильник! Я схватила его и быстро повернула рычажок. Неужели уже утро? И дядюшка ночью не буянил. Или я так крепко спала? Как жаль, что не удалось досмотреть прекрасный сон. Я грустно улыбнулась и села на кровати. Вот и наступил тот день, встречи с которым так пугала меня накануне. Если мои догадки верны, он навсегда изменит мою жизнь.

Глава 4

Я не глядя сунула руку в миску и вынула круглую белую луковицу. Мысленно поморщилась: опять придётся вытирать рукавом слёзы. Украдкой бросила взгляд на часы: совсем скоро шесть, а значит, приезд гостя всё ближе. Зажмурилась. Весь день я выполняла привычные обязанности и старалась гнать от себя мысли о господине Горресе. Вроде бы даже получалось. И, как назло, время не шло, не тянулось, как обычно, а бежало. Я и не заметила, как наступил вечер. И вот теперь неизбежноесовсем близко.

— Может, приляжешь? — раздался над ухом ехидный голос кухарки. — Ишь, замечталась, аж глазёнки прикрыла. И какой от тебя толк? У меня уж сковорода почти разогрелась, а ты сидишь мечтаешь! Вот скажу господину, что плохо работаешь...

Я вздрогнула и перевела взгляд на луковицу. Я сняла с неё лишь одну шкурку, и если кухарка пожалуется дядюшке... Зачесалась спина, и я быстро принялась чистить дальше. Понеслись шум, и в кухню влетела кривая Бэсса. Я украдкой глянула на неё: покраснелась, волосы выбились из-под чепца, глаза горят.

— Чего скажу! — заголосила она, остановившись на пороге. — Там давешний следователь пожаловал!

— Опять? — Кухарка обернулась от плиты, где разогре-

валось масло в сковороде. — Вроде ж вчера всех допросили.

— Ну уж не знаю, за каким лядом он припёрся, да только я сейчас лично видела, как он из автомобиля своего вышел и к дверям направился. На меня ещё глянул так, что у меня аж поджилки затряслись.

— Небось боишься, что он на тебя чего нарыл? Может, прознал, как ты позавчера с конюхом в конюшне миловалась?

— Эй, ты язык-то попридержи, чтобы им мужа получше ублажать. Ничего у нас с конюхом не было, так, пообжимались слегка. — Бэсса обиженно засопела. — И вообще, следовательно-то столичному что за дело, с кем я обжимаюсь?

Вторая помощница по кухне, Айса, которую все тут называют не иначе как дурочкой, открыла рот от любопытства. С уголка губ потекла струйка слюны.

— Да уж так я и поверила, что только пообжимались и не перепихнулись. — Кухарка подвигала сковороду, распределяя по ней масло. — За дуру-то меня не держи. Уж я тебя знаю. Да и конюха.

И она снова захихикала, а я поёжилась, тоже вспомнив конюха.

— Может, это ты овец-то стырила? — Кухарка не желала униматься.

— Уж если б я кого и стырила, так скорее нового пастуха. Говорят, хозяйство у него...

— Вот скоро и проверишь.

— Так говорят он ещё и привередливый, не каждую иметь готов.

Кухарка и её подружка весело загоготали. Они часто так откровенничают, и если Айсе, которая в свои двадцать пять и правда мыслит, как ребёнок, и, наверное, даже не всё понимает, просто слушает и улыбается, то мне хочется заткнуть уши и сбежать.

— А может, он к зайке свататься приехал? — спросила кухарка, уперев руки в толстые бока. — Она у нас девка видная.

Я вздрогнула и только усерднее продолжила снимать шелуху с луковицы. Главное, не покраснеть.

— Да что ты, она ж по Горресу сохнет, — ехидно протянула Бэсса. — Ждёт не дожётся, когда он её в своё логово утащит.

— Ага, научит её давать во всех позах, хоть на что-то сгодится наконец-то.

— А вдруг это она овец стырила, и следовательно по её душеньку припёрся? — Бэсса привалилась к шкафчику с бутылками. — Сейчас как арестуют её, как заберут в тюрьму или на каторгу.

— Да какая ей каторга, она вон даже луковицу почистить не может.

— Так ей там другим местом работать придётся, всё же проще, чем чистить лук.

И они снова загоготали. А у меня по спине пробежа-

ла дрожь. Интересно, зачем приехал господин Маллорис? Неужели правда снова станет всех допрашивать? И как ему в глаза смотреть после того, что видела во сне? Я закончила чистить луковицу, положила её на доску и начала быстро нарезать.

— Я вот чего ещё думаю, — начала кухарка, но тут в коридоре послышались тяжёлые шаги, и на пороге возник дядюшка. Женщины замерли.

— Леалана, живо переодеваться, — рывкнул он. — И сиди у себя, чтобы не изгадить платье. Жди, когда позову.

Я вскочила и, опустив голову, быстрым шагом направилась к выходу. Дядюшка посторонился, обдав меня запахом пота. Удивительно, но, кажется, он ещё не пил настойку. Когда я уже вышла в коридор, он таким же тоном прикрикнул на кухарку и Бэсу:

— А вы чего глаза вылупили? Ну-ка живо делом занялись! Ишь, языками они тут чешут, сплетницы. — И, явно обращаясь к Бэссе, прибавил: — Ты какого рожна не у себя в прачечной?

— Уже убегаю, господин Мэйен, — заискивающе пробормотала Бэсса.

Что было дальше, я уже не слышала: прошла тёмным коридором к лестнице для прислуги и взбежала к себе. Закрыла дверь, развязала фартук и принялась спешно стаскивать с себя платье. Оно липнет к коже и слезает с трудом. Что толку от вчерашней ванны, если я снова пахну едой и за день

изрядно вспотела в жаркой кухне? В комнате тоже духота и жара. И снова где-то жужжит муха. По лбу и вискам покатились капли пота.

Ладно, что ж теперь. Я положила снятые вещи на кровать и прошла к умывальнику. Воды успела принести с утра и даже не попалась дядюшке. Подняла носик и набрала воды в ладони, стараясь не расплескать. Она тоже нагрелась и теперь неприятно тёплая. Я кое-как обтёрла шею, грудь и руки. Снова набрала немного и поплескала на лицо. Жаль, в комнате нет зеркала.

Наскоро вытерла капли полотенцем и направилась к шкафу. Открыла скрипучую дверцу и осторожно вынула вешалку с выходным платьем. Странно только, что дядюшка приказал переодеваться сейчас, ведь господин Горрес вроде бы ещё не приехал. Меня вдруг обдало жаром. А что если господин Маллорис и правда меня в чём-то подозревает, и снова придётся отвечать на вопросы? Но тогда к чему нарядное платье? Или просто господин Горрес задерживается, а следовательно приехал по своим делам? Ведь если он ищет пропавших овец, вряд ли ограничится одним-единственным допросом.

Я кое-как влезла в платье, одёрнула подол и повертелась, пытаясь разглядеть, всё ли в порядке. Хорошо, что платье без крючков: не нужно мучиться и уж тем более просить кого-то о помощи. Дядюшка-то хотел сэкономить, а по мне вышло даже удачно. Я распустила косу, схватила с тумбоч-

ки расчёску и принялась лихорадочно причёсывать волосы. Иногда из-за спешки дёргала спутавшиеся волоски и морщилась от боли. Волосы — единственное, с чем мне повезло от природы: густые и слегка вьются. Лув и Маль мне дико завидуют: им-то приходится изгаляться и даже иногда носить шиньоны.

— Зато за её волосёнки будет хвататься муж, — однажды едко заявила Маль. — Я слышала, как служанки про такое рассказывали. Наматает на кулак так, что не шевельнётся, и будет делать всякие непристойные вещи.

И она мелко затряслась от смеха, а острое, вечно недовольное личико исказила злорадная гримаса.

Вот зачем я сейчас вспомнила об этом? Если мужчины и правда так делают, то уж господин Горрес точно не преми-нет. Я тяжело вздохнула, отложила щётку и принялась делить волосы на прядки. И всё ради старого и неприятного мужика. По телу прошёл озноб, и зубы стукнулись друг о дружку. Главное, не столкнуться сейчас с господином Маллорисом. Будет слишком обидно снова его увидеть прямо перед тем, как меня окончательно отдадут будущему мужу.

Я отложила расчёску и принялась за косу. Со лба продолжает течь пот, попал в глаз, и я зажмурилась. Надеюсь, спальня в доме господина Горреса, из которой он не намерен меня выпускать, будет не такой душной, как моя каморка под крышей... Я рвано вздохнула, и руки начали мелко подрагивать. Заколола кончик косы. Не буду делать высокую при-

чёску, сил уже не осталось.

Прошла к кровати, подобрала подол и присела. Хоть бы господин Горрес не задержался, иначе я вся изведусь. Задрала голову к потолку и уставилась на паутину. Там сразу две мухи: паук не дремлет. Сколько себя помню, пауки жили здесь всегда, и я привыкла к такому соседству. Пусть звучит глупо, но я считаю их друзьями: они защищают от назойливых мух и других насекомых. Вот и этот трудится, не покладая лапок.

Интересно, сколько прошло времени? И как скоро меня позовут?

Словно в ответ на мои мысли, дверь без стука распахнулась, и на пороге возникла горничная Дайра. Запыхавшаяся и покрасневшая от подъёма. Мрачно осмотрела моё жилище и, стирая рукавом пот со лба, прошипела:

— Господин Мэйен велел тебе подойти к его кабинету.

— Спасибо, — пробормотала я и подскочила с кровати. Руки покрылись мурашками. В кабинет? Почему в кабинет? Хотя... может, они хотят подписывать брачный договор в официальной обстановке? Неужели господин Горрес успел приехать?

— Он там со следователем беседует, — ядовито прибавила Дайра. — Небось, ты чего-то натворила.

Она радостно засмеялась, развернулась и быстро побежала вниз по лестнице, будто боясь, что я пойду следом и заведу разговор. Но я и не собиралась: друзей у меня здесь нет. Я

тоже вышла из комнаты, прикрыла дверь и медленно начала спускаться, придерживая подол. Лестница, ведущая под крышу, тёмная и освещается лишь через маленькие окна между пролётами. Перила тут низкие и неудобные: чтобы за них держаться, нужно согнуться в три погибели.

Кабинет дядюшки на первом этаже. Я уже почти спустилась, когда нога вдруг поехала, и я начала падать. В последний момент судорожно схватилась за перила и чудом не покатилась вниз: плюхнулась на попу. И тут же почувствовала, как платье и бельё под ним намокло. Кажется, причиной моего позорного падения стала насквозь мокрая тряпка. Продолжая держаться за перила, я поднялась.

Кто оставил здесь тряпку? Нет, надо мной, конечно, частенько издеваются: подбрасывают жуков в еду или в волосы, якобы нечаянно обливают или намазывают подошвы ботинок клеем, но на лестнице ещё никто подлянок не устраивал. Я согнулась, не отпуская перила, и побрела вниз.

Чего ещё можно было ожидать от странного дня? Платье теперь мокрое сзади и наверняка ещё и грязное. И визит в кабинет дядюшки. И этот следователь. И господин Горрес. За грязное и мокрое платье я ещё и получу. Если, конечно, дядя не напьётся до беспамятства вместе с соседом.

Я вышла в коридор первого этажа и кое-как извернулась, чтобы посмотреть на платье сзади. Ну точно, грязное пятно. Откуда-то из комнат для гостей раздалось весёлое хихиканье. Я замерла перед дверью кабинета. Глубоко вдохнула,

медленно выдохнула и осторожно постучала.

— Входи, — раздался изнутри непривычно мягкий голос дядюшки.

Я толкнула дверь и сделала пару осторожных шагов внутрь. Дядюшка и господин Маллорис сидят за столом, перед ними две чашки с нетронутым отваром и разложенные бумаги, у гостя в руках ручка и какой-то артефакт. Оба повернулись и смотрят на меня. Я прикрыла за собой дверь, поклонилась и пробормотала:

— Д-доброго вечера, гос-сподин Маллорис.

— Доброго вечера, госпожа Мэйен. — Он отвесил мне небрежный поклон, лишь слегка привстав из кресла. — Рад, что вы меня помните.

Я робко улыбнулась и опустила взгляд. Знал бы он, как много я думала о нём со вчерашнего вечера!

— Леалана, девочка, — дядюшка с милой улыбкой поминал меня к себе.

Я несмело шагнула к нему: не стоит заставляя его ждать, ведь доброе расположение духа закончится, как только уедет важный человек. Дядя взял меня за руки и подтянул к столу так, чтобы я оказалась рядом с гостем.

— Господин Маллорис попросил у меня твоей руки, оказав нам с тобой тем самым огромную честь. — В его голосе слышалось неприкрытое подобострастие. — Брачный договор подписан, и скоро ты нас покинешь.

Я уставилась на свои руки в дядюшкиных толстых паль-

цах. Кровь зашумела в ушах так, что я даже слышать стала плохо. Брачный договор. Покину. Этого я и ждала... И вдруг меня будто ударило по спине чем-то тяжёлым, и я вздрогнула. Что он сказал? Господин Маллорис попросил моей руки? Вот этот самый капитан, сидящий в дядюшкином кресле, хочет жениться на мне? На мне?! Лицо обдало жаром, и я судорожно вдохнула.

— Не обращайтесь внимания, господин Маллорис, девочка впечатлительная, не ожидала, наверное. — В сознание, будто сквозь туман, проник заискивающий голос дядюшки.

— Вы ей что, не сказали заранее? — Тон господина Маллориса стал строгим.

— Каюсь, господин Маллорис. Не подумал, что стоит её предупредить. — Дядя не слишком осторожно дёрнул меня за руку. — Да очнись ты уже, наконец... милая. Поблагодари за оказанную нашей семье великую честь.

Я подняла вмиг отяжелевшую голову и посмотрела на господина Маллориса. Его лицо расплывается перед глазами, но, кажется, он усмехается. И вроде бы даже по-доброму. Сюртук он снял, оставшись в одной белоснежной рубашке, верхняя пуговица растёгнута.

— Не переживайте, господин Мэйен, мне эти формальности ни к чему. — Господин Маллорис взял со спинки кресла свой сюртук и убрал артефакт в карман.

Боги, значит, меня не отдадут замуж за господина Горреса! Или... или они просто издеваются надо мной? Ну не мо-

жет же быть правдой, что вот этот видный, явно очень знатный мужчина попросил руки у такой никчёмной замарашки и бесприданницы! Да такое только в сказках бывает...

— С вашего позволения мы побеседуем с госпожой Мэйен наедине и всё обговорим. — Он поднялся и посмотрел на меня сверху вниз.

— О, да, да, разумеется, как я могу отказать... — Дядюшка наконец отпустил мои руки и выпрямился на стуле. — Поговорите, познакомьтесь немного. Я сейчас выйду, оставлю вас.

Но господин Маллорис, кажется, не обратил внимания на дядюшку.

— Надеюсь, вы не откажетесь проводить меня до машины, госпожа Мэйен?

Я растерянно моргнула и собралась ответить, но меня снова опередил дядюшка.

— Проводит, конечно — Он тоже вскочил и развернул меня к выходу. — Но, может, лучше поговорить здесь? Всё же удобнее, чем на ходу.

Дядюшкин тон вдруг стал привычно жёстким. Наверняка увидел испачканное платье. Я сжалась. Ох, достанется мне сегодня...

— Не хочу, чтобы наш разговор слушали. Сами знаете, как любит прислуга развешивать уши. — Господин Маллорис убрал какие-то бумаги в папку, сунул её под мышку, перекинул через руку сюртук и направился к выходу.

Дядя подтолкнул меня, и я на подкашивающихся ногах поплелась следом за женихом. Женихом. Боги, нет, я не могу так называть этого человека. Наверняка надо мной жестоко подшутили. Правда, не знаю, зачем. Или я просто заснула, пока ждала, и это всё неправда? Украдкой ущипнула себя за руку. Нет, не сплю. Но что тогда происходит?

Господин Маллорис вышел и направился по коридору в сторону холла. Как будто он уже много раз тут бывал. Я спешила за ним. Кажется, одна из дверей приоткрылась, когда мы проходили мимо, и за ней послышалась возня. Сколько же народу пытается подслушать и понаблюдать! И, если бы мы остались в кабинете, дядюшка бы тоже стоял под дверью. Так что господин Маллорис прав, желая поговорить на улице.

Мы прошли через холл, и он придержал для меня тяжеленную створку входной двери. Никто и никогда не делал для меня чего-то подобного. Я прошмыгнула мимо него на улицу, где всё ещё очень жарко. И в ужасе замерла. У меня же грязное пятно на платье, и он сейчас увидит... Надо было придумать, как пропустить его вперёд... В животе заворочался тяжёлый, острый камень.

— Машину я оставил у ворот, но поговорить мы можем и поближе к дому, чтобы тебе не ходить туда-сюда, — раздался спокойный голос господина Маллориса.

Я обернулась: он смотрит в сторону небольшого фонтана, возле которого есть лавочки. Там всегда пусто.

— Как в-вам будет уг-годно, г-господин М-маллорис, — пробормотала я.

— Ну надо же, а я уж думал, ты от счастья онемела, — ухмыльнулся он и пошёл к фонтану. — И давай, раз мы теперь вроде как жених и невеста, ты будешь называть меня просто по имени. А то пока выговоришь столь официальное обращение, я устану.

Он обернулся ко мне и подмигнул. Странно, но меня это не обидело. Меня сейчас не обидело бы, даже назови он меня заикой, как остальные.

— К-как ск-кажете, гос... э-э... — Я запнулась, продолжая брести следом за ним.

— Дэнъель, меня зовут Дэнъель. — Он остановился у фонтана и присел на бортик. — И ты вполне можешь обращаться ко мне на «ты». Ну-ка, попробуй.

Я тоже подошла к фонтану, но не села, остановилась напротив господина Маллориса. То есть Дэнъеля. Открыла рот, чтобы выполнить его приказание, но в горле пересохло, а язык будто к нёбу приклеился.

— И чего молчишь? — Он снова улыбнулся, как-то задорно и по-мальчишески.

Я уставилась на фонтан. Его давно не включают, и воды там почти не осталось: дождей нет уже две недели. Краска на резервуаре и самом фонтане потрескалась.

— Из... извините. — Я опустила глаза на свои ботинки. Чистила их утром, но за день они всё же запылились.

Он тяжело вздохнул.

— Знаешь, когда мы поженимся, мне хотелось бы от тебя лучшего послушания. — Его голос прозвучал серьёзно, почти строго. — Не «извините», а «извини». И моё имя. Разве я многого прошу?

Я испуганно вскинула голову. Правильно дядюшка зовёт меня душой. Я и есть дура. Если не буду слушаться, Дэнъель чего доброго передумает на мне жениться, и тогда дядя точно продаст меня в бордель или согласится на мой брак с господином Горресом.

— Извини... те... То есть извини... — Я так и не осмелилась поднять на него взгляд.

Дэнъель тяжело вздохнул.

— Ладно, будем считать, что для первого раза сойдёт, Леле. Или как лучше тебя называть?

Я поковыряла носком ботинка старую, растрескавшуюся плитку. Смутно помню, что мама и папа называли меня Леле. Вот только так же меня зовёт и дядюшка, поэтому теперь это сокращение мне уже не нравится.

— Наз-зывайте... наз-зывай меня к-как угодно. — Я всё-таки подняла голову и посмотрела на Дэнъеля.

— Мне нравится твоя покладистость. — Он снова усмехнулся. — Прекрасное качество для жены. Но ты какая-то чересчур послушная. «Как скажете», «как угодно»... Ладно, над этим мы ещё поработаем.

Я вздрогнула. Как он собирается работать над этим? Будет

бить меня, как дядюшка?

— В общем, буду звать тебя Ланой. А то Леле уж слишком по-детски звучит. Так вот, Лана, я надеюсь, ты девушка здравомыслящая и понимаешь, что я не пал жертвой твоей красоты и не влюбился с первого взгляда.

— К-конечно. — Я усердно закивала.

— Мне нужно жениться... ну просто потому что уже пора бы. — Он положил сюртук и папку рядом. — Так вот, у меня своя жизнь, которая меня полностью устраивает, недостатка в женщинах и досуге нет. Поэтому от тебя потребуется только родить мне наследника. Жить станешь в поместье за городом, а я буду иногда тебя навещать и брать на приёмы и балы, чтобы соблюдать приличия.

— Д-да, конечно, к-как с-скажете, Д-дэньель.

Я медленно кивнула, а в груди разлилась тяжесть. Звучит всё это сухо и по-деловому, словно мы не брак обсуждаем, а, например, лошадей. Или овец.

— Разумеется, ты ни в чём не будешь нуждаться. Единственное, чего я от тебя потребую, — верности. Мне не нужны сплетни и проблемы.

— Я н-никогда бы не... — Щекам стало горячо, и я потупилась.

— Вот и прекрасно. Ну и раз в полгода нам придётся подтверждать брак. Впрочем, не думаю, что тебя это обременит.

Я снова кивнула. Ну а что на это ответить? Это точно лучше, чем быть игрушкой господина Горреса или шлюхой в

борделе. Да и чего я ждала? Ну не думала же, в самом деле, что он влюбился в меня! Я, может, и дурочка, но в сказки давно не верю.

— Надеюсь, ты не слишком расстроена такой переменой в жизни? А то, может, ты влюблена в того соседа, с которым твой дядюшка никак не мог договориться?

— Н-нет, я... я с-совсем не хотела з-за него з-замуж, — мой голос даже зазвенел от волнения, и я тут же замолчала. Говорить нужно тихо, чтобы никого не раздражать.

— Я так и подумал. — Он расстегнул ещё одну пуговицу рубашки, и мой взгляд невольно упёрся в волосы у него на груди.

Вообще, я боюсь смотреть на мужчин: они так и норовят неверно истолковать любой взгляд. Но Дэнъель меня совсем не пугает. Может, потому что он смотрит по-доброму, не так, как другие?

— Мы не будем выжидать положенный год. — Его голос заставил вздрогнуть, выводя из задумчивости. — Поженимся через три месяца. Тебя это не смущает?

Три месяца?! Всего три месяца, и я покину дом дядюшки? Боги, да я о таком даже мечтать боялась. Разумеется, меня ничего не смущает. Как бы случайно не заулыбаться от радости.

— Н-нет, — пробормотала я и опустила голову. — Как вам... то есть тебе будет угодно.

— Прекрасно. На днях я приеду и отвезу тебя в Леренс к

портнихе. — Он потёр щёку. — Закажем платья и что там тебе ещё нужно: нам придётся выходить в свет, и ты должна выглядеть прилично.

Он окинул многозначительным взглядом моё платье. А я покраснела ещё сильнее и сжала руки.

— Я п-просто... уп-пала... на лестнице. Кто-то п-п-положил тряпку...

— Да я и так понял, что ты не нарочно посидела в грязной луже. — Дэнъель хмыкнул. — И это платье ещё ничего, но для светского приёма не подойдёт. К тому же, тебя нужно познакомить с моими родителями. Маменька очень придирчива к женским туалетам, знаешь ли.

— Я т-только не з-знаю, с-соглас-сится ли дядюшка, — пробормотала я и сжала руки так, что ногти впились в кожу. — У н-него м-мало с-средств...

Он громко и весело расхохотался.

— О боги, Лана, какая же ты забавная. Мне бы и в голову не пришло привлекать к этому вопросу господина Мэйена. У меня достаточно средств, чтобы одеть свою невесту как полагается. В общем, не знаю, смогу ли навестить тебя раньше, но в воскресенье поедem к портнихе. Будь готова.

— К-конечно, к-как с-скажете, госпо... то есть Д-дэнъель.

— Ну ладно, вроде учишься ты быстро, это утешает. — Он усмехнулся, взял свои вещи и поднялся. — А теперь я, пожалуй, поеду. До скорой встречи, Лана.

Он отвесил мне полушутливый поклон.

— Д-до скорой вс-стречи. — Я тоже поклонилась.

Дэньель повернулся и зашагал в сторону подъездной дорожки. Рубашка на спине слегка намочила от пота, русые волосы блестят в свете вечернего солнца... Я тяжело вздохнула. У меня тоже платье сзади мокрое. И сейчас мне за это влетит. Я проследила за тем, как Дэньель скрывается за кустами и медленно поплелась в сторону дома. К окну кухни прилипли носы кухарки и кривой Бэссы. Завтра они будут обсуждать меня при мне же.

Я подошла к входной двери, но она неожиданно распахнулась сама. На пороге обнаружился улыбающийся дядюшка. И улыбка эта не предвещает ничего хорошего...

— И чем же я хуже господина Маллориса, а, милая Леле? Я тоже могу подержать тебе дверь. Проходи, не стой на пороге. Или ты уже возомнила, что теперь здесь гостья?

Я прошла мимо дяди в холл и замерла, ожидая, что он скажет дальше.

— Пойдём-ка в кабинет, поговорим по душам. — Он подмигнул мне, искривив губы в ухмылке. — Расскажу тебе, как нужно исполнять просьбы любимого дядюшки.

И он, чеканя каждый шаг, пошёл в сторону коридора. У меня зачесалась спина. Кажется, уже скучает по ремню. По телу пробежала дрожь. Вот вроде бы пора уже привыкнуть к дядиным методам воспитания, а я каждый раз волнуюсь. Дядюшка между тем толкнул дверь кабинета. Я на ватных ногах вошла следом, и он взмахнул рукой, вешая на дверь полог

тишины. Хотя может и не стараться.

— И чего замерла? Особого приглашения ждёшь? Или думаешь, раз теперь невеста, так всё будет сходиться с рук?

Я подошла к стулу и встала на колени, улёгшись животом на сиденье. Дядя сегодня даже вежлив, не швыряет меня куда-нибудь сам. Знакомо звякнула пряжка, и он подошёл ближе.

— Что я велел тебе сделать, Леле?

Первый удар не заставил себя долго ждать. Терпимый. Но дядя никогда не бьёт сразу в полную силу.

— Н-надеть в-выходное п-платье, — пробормотала я, вцепившись в стул.

— Умница. А что ещё?

Второй удар уже вполне ощутимый. Я сильнее сжала стул.

— Н-не ис... ис... испачкаться...

— Вот видишь, помнишь же. Так каких демонов у тебя на заднице огромное грязное пятно?

От следующего удара на глаза навернулись слёзы, и я сжала зубы. Уже давно поняла: если плакать и кричать, дядя только сильнее распаляется, так что терплю до последнего. Ябедничать на служанок тоже смысла нет: не поверит.

— П-простите, д-дядюшка. Я с-случайно упала...

— Случайно, говоришь? А я вот думаю, нарочно хотела позлить меня, как и всегда.

Ремень полоснул воздух, и на сей раз удар пришёлся как раз по тому месту, где красуется злополучное пятно.

— Жаль, что ты совсем не ценишь мою доброту. Что ж, надеюсь, муж тоже будет тебя хорошенько воспитывать.

Снова удар. Я зажмурилась, но слёзы сами собой покатились по щекам. Кажется, платье можно теперь смело выбрасывать.

— Ладно, пока хватит с тебя. Считай, что я сегодня снисходителен к новоиспечённой невесте. Пошла вон. На кухню сегодня не возвращайся, а то эти безмозглые трещотки и так наверняка не работают, а обсуждают тебя. Не стоит давать им лишних поводов бездельничать.

— К-как ск-кажете, д-дядюшка.

Я вскочила, стараясь не думать о боли и разодранном платье. Повернулась к дяде: он как раз вдевал ремень в брюки. Отвесила ему поклон и, втянув голову в плечи, поспешила к выходу из кабинета.

Глава 5

Дэньель

Я постоял немного перед дверью отцовской конторы и взялся за ручку. Отец обычно сидит допоздна, так что я его точно застаю. Дёрнул дверь на себя и вошёл. В приёмной, как всегда, верный секретарь. Тоже сидит в конторе допоздна. Ориль тут же встал и поклонился. Верный, вышколенный пёс. Так и хочется угостить косточкой.

— Доброго вечера, господин Дэньель.

— Доброго, Ориль. Отец у себя?

— Господин Маллорис беседует с господином Маллорисом.

Я постарался не заржать.

— А ещё одному господину Маллорису можно к ним присоединиться?

— Они просили не беспокоить, господин Дэньель. — Ориль ещё раз вежливо поклонился. — Сказали, что ненадолго. Быть может, вы пока выпьете отвара? Я как раз заварил для господина Эррета и господина Альденса.

— Отвар тот самый, травы для которого заготавливает ваша супруга? — Я положил папку на край его стола.

— Именно так, господин Дэньель.

— Ладно, валяйте.

— Только немного подогрею.

Я кивнул, присел на стул для посетителей и закинул ногу на ногу. Вообще-то, не помешало бы обмыть мой брачный договор чем-то покрепче отвара, но я сделаю это завтра в кабаке, заодно и расскажу обо всём Эльрену. Представляю, как у него челюсть отвиснет.

Ориль суетился: подошёл к переносной плитке, где стоит чайник, и повернул конфорку. Из шкафчика достал чашку с блюдцем и миску с печеньем, поставил передо мной. Я рассеянно наблюдал за его действиями. Из кабинета доносилась приглушённая болтовня. Я поморщился.

Никак не могу отделаться от неприятного, царапающего ощущения, занозой сидящего в груди всю дорогу от поместья Мэйена. И дело не в подписанном договоре: я уже смирился с собственным спонтанным решением. Думал о нём весь день, глядя на пустой бланк, который дал мне Поллен, знакомый нотариус, и в конце концов всё же поехал. И вот договор подписан, и сомнения окончательно ушли. Я сделал то, что должен был, мне просто не оставили выбора.

Но за девчонку беспокойно. Её дядя мне нравится всё меньше и меньше. Очень нехороший взгляд он бросил на её испачканное на заднице платье. И это заикание... «Когда сильно волнуюсь». Не надо быть следователем, чтобы понять: заикается Леалана не от хорошей жизни. Ладно, может, я просто надумываю. Как говорит Эльрен, искажение сознания службой: везде видятся преступники и сволочи. И всё-таки стоило бы присмотреться к Мэйену повнимательнее.

Ориль снял с плитки чайник, подошёл и осторожно налил мне отвара.

— Вот, господин Дэнъель. — Ориль слегка поклонился и кивнул на печенье. — Угощайтесь, это моя супруга испекла.

— Благодарю. — Я кивнул и отпил отвара. Терпкий, слегка горьковатый и жгучий, когда попадает на язык.

Ориль отошёл к шкафу, а я взял печенье. Есть не хочется, но хотя бы попробовать приличия ради надо. Ориль, конечно, служит не мне, но всегда предельно вежлив и приветлив. А печенье и правда вкусное, с корицей.

Я отпил ещё отвара, и всё-таки потянулся за ещё одним печеньем. Но тут дверь распахнулась, явив взору спину старшего братца. В руке у него толстая книжечка, под мышкой папка.

— Да, конечно, отец, я согласен с вами.

Милый, послушный мальчик Альденс. Всегда и во всём согласен с отцом, примерный семьянин, женившийся на ровне по положению и состряпавший детей на радость мамёнке...

— Всё, тогда до завтра. Кланяйся Аннель и поцелуй за меня внуков.

— Благодарю, отец. Непременно.

Альденс закрыл дверь и обернулся. При виде меня его брови взметнулись вверх.

— О, вот это сюрприз! — Он скривился в холодной ухмылке. — Ты что тут делаешь?

— Фу, какой вы невоспитанный, господин Маллорис. — Я тоже скривился и отпил отвара. — Разве вас не учили здороваться, спрашивать, как дела?

— Твои шуточки, как всегда, искромётны. — Альденс перехватил поудобнее книгу. — Просто странно тебя здесь видеть, да ещё в такой поздний час. У тебя какие-то проблемы?

Его тон неожиданно стал обеспокоенным. Он искоса глянул на спину Ориля, продолжавшего рыться в шкафу. Ну да, ведь на людях он любящий брат и вообще святой человек. Как и отец.

— А вот я рад созерцать твой светлый лик, озаряющий эту приёмную, в любое время дня и ночи. — Я с хрустом откусил печенье. Альденс поморщился. — И проблемы свои решаю сам, без помощи отца.

— Что ж, рад за тебя. Иди, у него свободно.

— Уж как-нибудь соображу. — Я сунул в рот остатки печенья, отпил ещё отвара и только тогда поднялся.

Старший братец всё ещё стоит, наблюдая за мной.

— Желаешь меня проводить? — хмыкнул я. — Что ж, торжественный эскорт не помешает. Хотя нет, подожди. Тебе же просто хочется погреть уши и узнать, зачем я пришёл.

— Вот ещё. — Альденс фыркнул. — Меньше всего мне интересны твои дела. То же мне, великий сыщик строит версии.

Ага, значит, я угадал. И даже маска любящего братца вмиг слетела. Я медленно поднялся, взял папку с договором и про-

шёл к двери кабинета. Постучался, бросив многозначительный взгляд на Альденса: тот по-прежнему не спешил убираться из конторы.

— Войдите, — прозвучало изнутри.

Я подмигнул братцу, демонстративно приложил ухо к двери и только после этого вошёл в кабинет. Отец читает какой-то документ при свете настольной лампы. Рядом — две пустые чашки и тарелочка с печеньем. Верный пёсик не дремлет.

— Секунду, — пробурчал отец себе под нос, не подняв головы.

— Доброго вечера. — Я постарался изобразить в голосе покорность.

Он резко поднял голову, на лице отразилось удивление. Однако быстро взял себя в руки.

— А, это ты. Я думал, Альденс что-то забыл.

— Что вы, разве может Альденс что-то забыть? — Я мило улыбнулся. — Он же идеален, у него не бывает промахов.

— Завидуешь брату? — Отец просверлил меня неласковым взглядом. — Лучше бы брал пример.

Ну, началось. Старая песня и даже не на новый лад. Я снова изобразил смирение, вынул из папки лист с договором и протянул ему.

— А я и беру, отец. Вот, собрался жениться, как вы и велели.

Отец недоверчиво уставился на меня, но в глазах про-

мелькнула явная радость. Он взял протянутый лист, поправил на носу очки и пробежал глазами договор. Выражение лица тут же изменилось. Он прищурился и снова прочитал договор. Я с трудом сдерживал улыбку. Вот так-то, господин Маллорис, устроил я вам сюрприз.

— Что это? — Он наконец поднял на меня недоумённый взгляд.

Я невозмутимо пожал плечами.

— Как видите, брачный договор.

— Это я вижу. Только что ещё за госпожа Мэйен? Ты должен был свататься к госпоже Аурес.

— Вы сказали, что я должен жениться, а госпожа Аурес была лишь одной из кандидатур. — Я снова выдал скромную улыбку. — Я нашёл девушку, которая мне больше подошла.

— Я даже фамилию такую никогда не слышал. — Отец отложил лист, снял очки и потёр глаза.

— Обедневший род, девушка сирота, живёт у опекуна — её родного дяди.

— Сирота? Обедневший род? — Отец нахмурился и снова нацепил очки. — Надеюсь, это очередная твоя неудачная шутка.

— У меня все шутки удачные, — осклабился я и отодвинул себе стул для посетителей. — Но это — абсолютная правда. Я женюсь на сироте из обедневшего рода. И, чтобы вы обрадовались ещё больше, она бесприданница.

Отец издал тяжёлый вздох. Снова снял многострадальные

очки, потёр переносицу.

— Ладно, ладно, я понял. Ты надо мной издеваешься в отместку. Принёс мне фальшивый контракт, чтобы позлить.

— Нет, отец, контракт настоящий. Это, правда, копия: можете спалить её, если хотите. Оригинал лежит в надёжном месте.

Эту шпильку я нарочно придумал ещё утром. По-моему, вышло удачно.

— Как ты разговариваешь с отцом? — По его рукам побежали искры. — То есть это всё-таки не шутка, и ты правда нашёл безродную девицу мне назло?

— Ну почему же безродную? Она всё-таки аристократка и не виновата, что сирота и бесприданница. Или, по-вашему, счастья заслуживают только те, кому повезло не потерять родителей?

Отец снова надел очки и вдруг совершенно искренне рассмеялся.

— Счастья? Ты себя, что ли, имеешь в виду? По-твоему, ты можешь стать хорошим мужем и сделать женщину счастливой? При твоём-то образе жизни?

Ой, ну задел так задел. Сейчас расплачусь от стыда.

— Ну, по крайней мере, моя жена не будет ни в чём нуждаться.

— Полагаю, именно твоё состояние и привлекло её опекуна. Нашёл, как выгодно пристроить никому не нужную племянницу? — Отец подцепил пальцем договор и отпустил. —

За сколько ты купил договор?

Если он узнает, точно с ума сойдёт.

— А есть разница? — Я откинулся на спинку стула. — Опекун мне её, между прочим, не навязывал, я сам заинтересовался. Он собирался выдать её замуж за какого-то соседа, пришлось дать больше, чтобы не перекупили.

— Ты точно рехнулся. — Губы отца скривились, взгляд потемнел. — Перекупать безродную девицу? Боги, да если уж тебе так не угодила госпожа Аурес, мог бы посвататься к любой свободной девушке из круга наших знакомых.

Я насмешливо фыркнул и закинул ногу на ногу.

— Не далее как вчера вы сами сказали, что ни один приличный отец не отдаст за меня дочь. Вот я и нашёл себе партию, которую считаю подходящей. Что же вас снова не устраивает?

— Ведёшь себя, как строптивый юнец. Женишься на оборванке, лишь бы мне насолить. Умно, ничего не скажешь.

— А вы и так считаете меня дураком, — я ослабил и сцепил руки. — Просто оправдываю репутацию.

С рук отца всё-таки сорвался сноп искр. Он, однако, успел вовремя их погасить.

— Похоже, твою репутацию можно теперь окончательно похоронить. Скоро «Сплетник» начнёт пестреть заголовками в духе: «Сын Эррета Маллориса женится на нищенке».

— Зато никто уже не напишет, что я предпочитаю мужчин. — Я смахнул с рукава сюртука несуществующую пы-

линку.

— И не знаешь, что хуже. — Отец тяжело вздохнул. — Вечно ты тащишь в дом всяких... убогих. То собак, то кошек, теперь уже и бесприданницы в ход пошли.

Я сжал пальцы так, что костяшки побелели. Ответить бы отцу так, как он того заслуживает, или просто встать и уйти. Но пока это было бы опрометчиво, так что я лишь натянуто улыбнулся.

— Главное, я всё-таки женюсь. Можете больше не угрожать мне лишением наследства и переводом в глушь.

Отец снова рассмеялся. Весело ему, значит?

— Во-первых, я не угрожаю, а всего лишь рисую тебе перспективы. А во-вторых, вот эта бумажка ничего не отменяет. — Он с презрением глянул на договор. — Или ты просишь руки госпожи Аурес, или тащишь свою нищенку в глушь вместе с собой. И жить будете исключительно на твоё жалование. Я не собираюсь обеспечивать непонятную девицу.

— Вот как? — Я приподнял брови. — Значит, вы меня обманули? Вы ведь велели мне просто жениться, чтобы заткнуть рты сплетникам. Про то, что это обязательно должен быть брак с госпожой Аурес, сказано не было.

— Да, но я не предполагал, что ты настолько безмозглый и найдёшь именно такую невесту. — Отец постучал пальцем по договору. — Но считай это проверкой: если она согласится поехать с тобой в глушь и жить в нищете, значит, ты сделал правильный выбор.

— Согласится. — Я покачал ногой, изображая беспечность. — В этом у меня сомнений нет.

— Да уж куда ей теперь, бедняжке, деваться от своего счастья, — ядовито хмыкнул отец.

— А вот в том, поехала бы со мной госпожа Аурес, и стала бы она жить лишь на моё жалованье, я как раз сильно сомневаюсь.

Он закатил глаза.

— В качествах госпожи Аурес у меня сомнений нет, а вот что на уме у какой-то нищенки, вопрос. Впрочем... Я своего решения не изменю. Или ты завтра же расторгаешь договор и едешь свататься к госпоже Аурес, или всё, что я сказал, остаётся в силе.

По телу прошла горячая волна. Ну уж нет. Демоны с переводом и наследством, но я не собираюсь расторгать договор. Это мой выбор, и я заставлю его уважать, даже если он всем покажется странным.

— Значит, ваше слово ничего стоит? — Я скривился. — Что ж, буду знать.

— Не смей мне дерзить, мальчишка. Случись что, и приползёшь на коленях молить о помощи. Только вот отныне помогать тебе я больше не намерен.

Я покрутил свой перстень и пожал плечами.

— Вы и так очень помогли мне тем, что заставляете уезжать служить к северной границе. По крайней мере, там вы не сможете указывать мне, как жить, и на ком жениться.

По рукам отца снова пробежали искры, глаза недобро сверкнули из-за стёкол очков.

— Ничего, послужишь на благо Империи, заодно бесприданницу свою проверишь на искренность. — Отец взял контракт и протянул мне. — Но выход есть всегда. И я тебе его озвучил.

— Не дождётесь. — Я схватил контракт, убрал его в папку и резко поднялся. — Я женюсь на той, которую выбрал сам.

— Посмотрим на последствия твоего выбора. — Отец прожёл меня неласковым взглядом. — Однажды я уже отмазал тебя от судебного разбирательства, больше ничего подобного делать не буду.

— Вот и отлично, а то вы мне припоминаете это уже десять лет. — Я растянул губы в улыбке, развернулся и направился к двери. — Пусть вы не хотите признавать, но я всё-таки повзрослел и теперь сам беру на себя ответственность.

Отец красноречиво фыркнул.

— Учти, ни меня, ни твоей матери на свадьбе не будет. Мы не станем позориться. Я, честно признаться, даже не представляю, как сообщу Оде о твоей выходке.

— Уверен, вы справитесь. В конце концов, красноречием боги вас не обделили.

И я поспешно вышел за дверь и захлопнул её за собой. Там что-то грохнуло. Я бросил взгляд на стол секретаря: его на месте нет. Даже странно, куда это верный пёс сбежал с цепи? А если хозяину что-то понадобится? И Альденс наверняка

ошивается поблизости: ну не верю я, что он не подслушивал.

Я направился к выходу из конторы, но тут в спину раздалось почтительное:

— Вы уже уходите, господин Дэнъель?

Я обернулся: Ориль с чайником идёт из бокового коридора. Интересно, всё ли он слышал? Или постеснялся греть уши при Альденсе?

— Да, но в кабинет заходите осторожно. — Я беспечно улыбнулся. — Боюсь, господин Маллорис может быть слегка не в духе.

— Благодарю, господин Дэнъель. — Ориль поклонился и прошёл к плитке.

Я быстро пересёк приёмную и взялся за ручку двери.

— До встречи, Ориль.

— До встречи, господин Дэнъель. — Секретарь снова отвесил мне поклон, а я вышел на улицу.

Вечерняя прохлада уже даёт о себе знать, и я с наслаждением вдохнул свежий воздух. Постоял немного на пороге конторы и направился к машине. Чуть поодаль заметил автомобиль брата. Ну кто бы сомневался, что он ещё тут. Надо быстрее уезжать отсюда. Поехать, что ли, в кабак и отметить помолвку? Помолвка... Кажется, я сам добавил себе проблем, будто мне их было мало.

Я забрался на водительское место и откинулся на спинку кресла. С другой стороны, а чего я, собственно ждал? Что отец обрадуется и поздравит меня? Ведь ясно же, что он спал

и видел, как я делаю предложение госпоже Аурес. Этот союз он давно лелеял в мечтах, а тут такой поворот.

Ладно, дело всё равно сделано. Я выполнил его требование, а то, что он не держит слово, уже не мои проблемы. Значит, возьму Лану и поеду на северную границу. Может, не так там всё и страшно. Вряд ли она, конечно, обрадуется, но быть прислугой у дяди явно не лучше, чем жить в глуши. Не знаю, почему, но мне кажется, что Лана и правда без вопросов поедет со мной куда угодно. И что бы там ни говорил отец, муж из меня получится нормальный. Не идеальный, конечно, но и не ублюдочный.

Я устало прикрыл глаза. Пожалуй, ну к демонам кабак, поеду домой. Не то встречу какую-нибудь сволочь вроде Рореса, опять ввяжусь в драку... «Сплетник» и так скоро прознает, что я женюсь на бесприданнице, не стоит добавлять поводов. Нет, ну надо же: Дэнъель Маллорис вдруг начал думать о собственной репутации. Ха! Самому смешно. Да и плевать.

Я медленно въехал во двор и заглушил двигатель. К машине с радостным лаем кинулись Крышка и Клоп. Хвосты вертятся так, что сейчас оторвутся. Вот уж кто искренне умеет радоваться. Я спрыгнул на землю, и блохастые прохиндеи едва не сбили меня с ног. В отличие от отца, который держит породистых гончих, мои обормоты подобраны на улице грязными и ободранными щенками явно из одного помёта.

— Так, а ну-ка угомонитесь, демоны хвостатые! — Я при-

сел на корточки перед собаками, и Крышка тут же ухитрилась лизнуть меня в ухо. Я со смехом отодвинул её радостную морду. Клоп ткнулся мне мокрым носом в ладонь, требуя себя погладить.

— Готовьтесь, ребятки, скоро поедem с вами к демонам на рога, а ещё у вас появится хозяйка.

Собаки радостно скулили, бегали вокруг и хлестали меня хвостами по ногам. Я гладил их по спинам. Интересно, боится ли Лана собак?

«Вечно подбираешь всяких... убогих», — прозвучал в голове ехидный голос отца. Ну пусть так. Я же и правда с детства тащил в дом бездомных щенков и котят. И у меня была куча уловок, чтобы их разрешили оставить. В ход шли и слёзы, и хорошее поведение, и помощь в чём-нибудь... Зато меня до отъезда в пансион окружал целый зверинец. И я считаю, что вырос гораздо более нормальным, чем братец, который от вида животных едва ли не в панику впадает.

Так почему бы и жену не притащить? И это отец ещё не знает, что она заикается от волнения, а маменька не видела её поношенных платьев в заплатках. Я хмыкнул. Как же приятно представлять их вытянувшиеся лица.

Правда, получается жестоко по отношению к Лане: ей придётся выдерживать колкие взгляды и выслушивать нелестные замечания. Хотя... мы же вскоре уедem в глушь, там уж точно всем будет плевать на то, какая у меня жена. Да и вряд ли в доме дяди к девчонке относятся лучше, а я

хотя бы обижать её не буду.

— Всё, пойдём в дом, — я кивнул собакам на крыльцо, и те наострили уши. — Всего испачкали, — ворчливым тоном прибавил я, отряхивая брюки.

Клоп и Крышка умильно уставились на меня, продолжая вертеть хвостами. Оболтусы. Наверняка хотят, чтобы я угостил их чем-нибудь вкусеньким. Я вернулся к машине, достал оттуда сюртук и папку с контрактом и направился в дом. Надо ещё обрадовать Грэля. То-то он удивится переменам, хоть и виду не подаст. А вот с кухаркой будет сложнее: Мадина вряд ли поедет со мной в Луэнтенс, у неё здесь семья. Значит, придётся искать кого-то на месте.

Я вошёл в дом, собаки вбежали следом и тут же улеглись на коврик, продолжая молотить хвостами. Маменька, бывая у меня в гостях пару раз в год, всегда возмущается, что собаки живут в доме, а не во дворе. При этом сама она позволяет своим брехливым болонкам спать в корзинках в её комнате. «Но они же крошки, не то что твои здоровенные чудовища». Ну-ну.

Я уже хотел позвать слугу, но тот появился сам, слегка взъерошенный. Сегодня он прихрамывает сильнее обычного. Неужели завтра будет дождь? Грэлю около сорока, но иногда он кажется мне древним стариком. По крайней мере, бубнит точно как старикашка, если что-то считает неправильным. Но человек он надёжный.

— Доброго вечера, господин Дэнъель, — Грэль поклонил-

ся. — Прошу простить, что заставил ждать: случайно задремал. Да ещё нога разболелась, даже зелье не помогает. Никак завтра дождик будет.

Ну да, я об этом и думал. Грэль подскочил ко мне и взял сюртук. Посмотрел на меня как-то странно и, по-моему, даже принюхался. Вот ведь засранец! Думает, что я из кабака?

— Всё, Грэль, скоро останешься не у дел, — ухмыльнулся я и потряс папкой перед его физиономией. — Я сегодня подписал брачный договор, так что скоро из кабаков меня будет встречать жена.

Обычно невозмутимый Грэль уставился на меня, округлив глаза, однако тут же взял себя в руки.

— Поздравляю, господин Дэньель. — Он сдержанно улыбнулся, сжимая в руках вешалку с сюртуком. — Рад за вас и желаю счастья.

— Благодарю. — Я слегка наклонил голову и присел, чтобы расшнуровать ботинки. — А ещё, возможно, я скоро уеду на новое место службы. У тебя есть время подумать, поедешь ли ты со мной и захочешь искать нового господина.

— Э-э, господин Дэньель... — Грэль неопределённо кашлянул и повесил вешалку в шкаф. — Тут такое дело...

— Что ещё? — Я поднял голову.

— Да жениться я надумал, господин Дэньель. — Слуга обернулся ко мне и весь как-то ссутулился.

Вот те раз! А ведь ничего не предвещало. Надо, наверное, порадоваться?

— Ну что ж, давно пора. — Я пожал плечами и поднялся.

— Что, уже и невеста есть?

— Есть, господин Дэнъель. Это Райна.

Я вытаращился на Грэля, высвободившись из ботинок.

— Горничная в доме родителей, что ли?

— Так точно, господин Дэнъель. — Грэль потерял свою окладистую бородину. — Ей уж почитай тридцать годков, а жениха достойного не сыскалось.

— Да за ней все свободные слуги бегали, да и несвободные тоже, — усмехнулся я и начал расстёгивать манжеты рубашки. — И из дома родителей, и соседские. Уж будто ты не знаешь.

— Бегать-то бегали, да только она достойного ждала. И дождалась. — Грэль приосанился. — Другие они ж оболтусы, господин Дэнъель. Им бы так, перепихнуться да дальше бежать. А я мужчина серьёзный и уж мужем точно буду отличным.

Я снова усмехнулся. Самомнение у Грэля, конечно, на высоте. Скорее уж, Райна просто начала увядать и перестала интересоваться поклонников. А кто-то и жениться успел, пока она воротила нос.

В голове снова прозвучал насмешливый голос отца: «Счастья? Ты себя, что ли, имеешь в виду? По-твоему, ты можешь стать хорошим мужем и сделать женщину счастливой?» Вон даже Грэль и тот в себе не сомневается.

— И с детишками я управляться умею, — важно продол-

жил Грэль. — Почитай, четверых братишек нянчил да трёх сестричек.

— Не сомневаюсь, что ты будешь надёжным мужем и хорошим отцом. — Я обогнул слугу и прошёл к приоткрытой двери своей спальни. — Так что поздравляю и благословляю на счастливую семейную жизнь.

Я неискренне улыбнулся. Вот же демоны криворогие, как-то не вовремя Грэль решил остепениться.

— Благодарю, господин Дэнъель. — Грэль поклонился. — Вы уж только не сердитесь. Я до последнего мучился, не знал, как вам сказать... Вы ж столько для меня сделали! Да без вас я не то чтоб жениться не смог, я б уже давно под забором сдох.

Я поморщился.

— Брось, что за ерунда? Пошёл бы писарем в штаб, и всё.

— И от скуки спился бы. — Грэль упрямо насупился. — Вы ж знаете, что так бы и было, господин Дэнъель. А теперь вот я даже с вами и поехать-то не смогу...

— Я не сержусь и не обижаюсь, Грэль. Желание жениться вполне естественно, и разве я тебе это запрещал? Наоборот всегда советовал найти жену.

— Ну это ж так, разговоры были. — Слуга вздохнул. — А теперь вот...

— Всё, закрыли тему. Я женюсь, ты женишься: жизнь идёт своим чередом. Приготовь-ка мне лучше ванну.

Грэль как-то неуверенно улыбнулся, но усердно закивал.

— Я мигом, господин Дэнъель.

— Вот и валяй. — Я кивнул и толкнул дверь. Слуга заковылял к ванной комнате, а я взглянул на кровать. Ну так и есть: кошачья шайка валяется на покрывале, старина Генерал, разумеется, возле подушек. Тварь мохнатая.

— Эй, демоны хвостатые, вам не кажется, что вы обнагтели?

Черпак и Мышь вострепнулись и уставились на меня осоловелыми глазами. Генерал даже головы не поднял. Ну да, не зря я его в честь мужа Алессы назвал: такой же выскомерный, заносчивый засранец. Сейчас-то состарился, а когда был моложе, все окрестные коты ходили с поцарапанными мордами.

Я присел на кровать и рассеянно почесал Мыши круглый лоб. Кошка довольно замурчала, а Черпак встал и потянулся. Конечно, его тоже надо погладить. Генеральская морда приоткрыла один глаз. Что за нелепое чувство скребёт изнутри? Неужели я расстроился от того, что Грэль не поедет со мной на северную границу, да и вообще уйдёт?

Мы с ним познакомились, когда меня только-только из простого сыскаря повысили до младшего следователя. Грэль служил городским стражником. И вот однажды во время задержания банды преступников, в которой я тоже участвовал, ему прилетела в ногу пуля. Может, если бы он сразу обратился к целителю, всё обошлось. Но этот герой сам извлёк пулю и дня три как-то обрабатывал рану. Пока не началось

заражение.

— Не люблю я целителей, господин Маллорис, — пробубнил он, когда я случайно увидел его ногу в казарме. — Сдохну, так и ладно, всё же при исполнении ранение-то получил.

Я обложил его такими ругательствами, самым безобидным из которых было «тупой ублюдок», и отправил к нашему тогдашнему семейному целителю. В общем, ногу кое-как удалось спасти, вот только Грэль стал прихрамывать. О службе, разумеется, пришлось забыть. Вернее, его звали писарем в штаб, но он только отмахивался.

— Не для меня это. Будут мои бывшие сослуживцы заходить да хвалиться своими подвигами, а я бумажки стану перекладывать? Нет уж, увольте. И чего я не сдох?

В общем, я как раз искал надёжного слугу, и Грэль неожиданно согласился. Так и служит мне уже... сколько? Лет семь? И вот теперь покидает меня. И вроде я, как порядочный человек и хороший господин, должен радоваться, что он нашёл жену, а вот не выходит. На душе тяжесть, и хочется кому-нибудь набить морду. Жаль, рядом нет Рореса или ещё какой-нибудь сволочи вроде него.

Мышь плюхнулась на спину, подставляя пушистое пузо, а Черпак ткнулся лбом в ладонь. Чувствуют настроение?

— Ну вы-то хоть не собираетесь меня бросить? — пошутил я.

В коридоре слышались тяжёлые шаги Грэля. Ладно, надо принять ванну, выпить настоечки и хорошенько выспаться.

ся. Наутро точно полегчает. Если, конечно, не переборщить с настойкой.

Глава 6

Леалана

Не знаю, что меня разбудило, но точно не звон будильника. Я в панике открыла глаза и тут же села. Ужас пробежал по всему телу холодной волной, я повернулась и уставилась на циферблат. Половина пятого, до подъёма ещё четверть часа. Не проспала... слава всем богам! Я облегчённо выдохнула, потёрла глаза и спустила ноги с кровати.

Вчера я весь вечер провела у себя: кое-как замыла грязь и кровь на платье и зашила несколько дыр, сделанных ремнём. Засиделась допоздна, однако когда легла спать, почти не сомкнула глаз. Ворочалась с боку на бок, изнемогала от жары, неудобной старой кровати со скрипучими пружинами, продавленного матраса и куцей подушки. Теперь голова тяжёлая, в глаза будто насыпали иголок, спину саднит.

Я сняла со спинки кровати чулки, на которых, кажется, не осталось не зашитых мест, и принялась осторожно натягивать. Под потолком зажужжала очередная пойманная муха. За ночь я успела столько раз прокрутить в голове мысли о том, что случилось накануне, что сама себя окончательно запутала. Так до конца и не могу поверить в то, что всё это — правда. Наверняка господин Маллорис ещё передумает. Ну не может он всерьёз хотеть на мне жениться, даже если ему просто нужна жена по каким-то своим соображениям.

Но ведь он подписал договор с дядюшкой, значит, пока я в самом деле стала его невестой. А там видно будет.

В груди разлилось тепло. Всё-таки приятно ощущать себя невестой. Да, жить мы станем врозь, но что поделать? Вроде бы многие аристократы так живут. По крайней мере, я перестану быть всеобщим посмешищем и бить меня никто не будет. Наверное. Мне не нужны ни красивые платья, ни украшения, ни тем более светские приёмы и балы. Мне хочется спокойной, тихой жизни. Крыша над головой будет, и ладно. Родить ребёнка — вполне естественно, это тоже не пугает.

Я встала и принялась осторожно подтягивать чулки. Несмотря на тяжёлую голову, настроение отличное. Пугает одно: необходимость идти в кухню. Неужели, неужели я скоро уеду из дядюшкиного дома навсегда? Нет, страшно об этом даже мечтать. Вдруг всё сорвётся? Мне не могло так повезти.

Закончив с чулками, я подняла рычажок будильника, чтобы не звенел, и взяла то самое платье, в котором впервые предстала перед женихом. Надеюсь, больше он меня в нём не увидит. Хотя теперь, когда и выходное платье испорчено, я даже не знаю, что надеть в воскресенье. Может, удастся тайком пробраться в прачечную и постирать выходное? Оно всё равно самое приличное. Время ещё есть.

Я влезла в платье, нацепила фартук, надела ботинки и прошла к рукомойнику. Поплескала на лицо уже успевшей нагреться водой и почистила зубы. Единственный целитель,

к которому меня водит дядюшка — тот, что лечит зубы. «У бабы, как и у лошади, зубы должны быть в порядке», — шутит он. Правда, мне с этим повезло: целитель редко что-то лечит. Маль и Лув мне завидуют: у них всегда что-нибудь находится, поэтому к целителю они ездят с истериками. А я всё терплю молча, чтобы потом не получить нагоняй от дядюшки.

Я вытерлась, повесила полотенце на крючок и направилась к выходу. Крепко ухватила за перила и согнувшись, побрела вниз. Теперь нужно быть особенно внимательной. Весть о моём скором замужестве уже наверняка разнеслась по всему поместью, и вряд ли хоть кто-то за меня здесь порадует.

Лестница кончилась как-то уж слишком быстро, и я вышла в коридор, ведущий в кухню. Замерла у приоткрытой, как всегда, двери. Заходить страшно. Боги, как выдержать насмешки и колкие взгляды? Я вроде бы и привыкла к ним, но сегодня будет особенно больно. И почему именно сейчас всё это вдруг стало таким невыносимым? Ведь я столько лет так живу... Или просто воодушевилась от того, что скоро покину это место, и возомнила себя выше других?

— Так а я тебе что говорю, дурья башка? — вдруг громко воскликнула Бэсса, и я дёрнулась. — Тут главное вовремя лечь да ножки раскинуть. Ну или зад подставить. Тут уж кому чего нравится.

Кухарка и её подружка громко загоготали. Я поморщи-

лась. Все разговоры у них крутятся вокруг непристойных тем, но привыкнуть к этому, кажется, невозможно.

— Кому что нравится, — зашлась в хохоте Айса. — Ха-ха-ха, ножки раскинуть! Ха-ха-ха!

Она начала хрюкать и закашлялась.

— Вот же дура слюнявая, — проворчала кухарка и загремела кастрюлями. — Что-то сегодня разговорчивая больно.

— По башке ей дай, и дело с концом, — посоветовала Бэсса.

Я сделала глубокий вдох и протиснулась в проём. Все обернулись ко мне, и в кухне повисла тревожная тишина. Я замерла, не зная, что делать. Обычно кухарка встречает меня издевательским: «Доброго утречка, госпожа Заика» и сразу даёт задания, а сейчас все молчат. Наконец умерла Айса: она сидит прямо на полу в углу кухни и пришивает заплатку к полотенцу. При виде меня растянула губы в глупой улыбке и тихо пробормотала:

— Ножки раскинуть...

— Тише-тише, Айса, — почти шёпотом обратилась к ней кухарка, замерев со сковородой в руках возле плиты. — Ты что, не видишь, кто пожаловал? Невеста самого господина следователя! Вот будешь всякую чушь молоть, она жениху своему скажет, и он тебя на каторгу упечёт. Или в новую эту лечебницу... как её...

— «Сайлентис», — так же тихо подсказала Бэсса, замершая у стола: её незрячий глаз с бесформенным зрачком се-

годня кажется особенно жутким.

— Вот-вот, «Сайлентис». Там как раз хвори вроде твоей лечат.

Айса удивлённо приоткрыла рот и уставилась на меня.

— Невеста... — пробормотала она и заулыбалась.

— Неве-е-еста. — Кухарка водрузила сковороду на плиту и изобразила поклон в пол. — Потому ей теперь позволено всё. Может не приходить вечером, чтобы мыть посуду. И какая разница, что я ещё не совсем здорова.

Я уже собралась выдать, что дядюшка велел мне идти к себе, но кухарка с жаром продолжила:

— Но не думайте, будто я с упрёком! Вы уж, госпожа Мэйен, не сердитесь на нас, дурочек. Если мы чего вам и говорили плохое, так не со зла. Не обучены мы этикету-то...

В груди что-то сжалось. Разумеется, я понимаю, что это издёвка, и никогда не поверю, что они способны раскаяться. Но как же хотелось бы, чтобы они в самом деле стали относиться ко мне хоть немного лучше... А простила бы я их, если бы они и правда пожалели о своём отношении? И всё существо воспротивилось одной только мысли. Я, наверное, всё-таки не настолько хорошая.

— Вы садитесь-садитесь, госпожа Мэйен. — Бэсса отодвинулась от стола. — Сейчас вам Рэйя завтрак подаст.

Интересно, какую каверзу они замышляют на сей раз?

— Лучше с-скажите, что д-делать н-нужно. — Я осталась на месте, сложив руки на животе.

— Да разве ж мы вправе такую важную госпожу заставлять что-то делать? Вы ж теперь по балам да приёмам скакать будете, надо начинать привыкать. — Кухарка растянула губы в обманчиво ласковой улыбке и потянулась за кувшином с маслом.

— Слушайте её, госпожа, она дело говорит, — поддакнула Бэсса, отодвинула стул и кивнула мне.

Я опасливо посмотрела на сиденье: вроде чистое. Но в чём тогда подвох?

— Л-лучше д-дайте мне з-задание. — Я перевела взгляд на кухарку. — Д-дядюшка меня от раб-боты не ос-свобождал.

— Не думаю, что дядюшка ваш рассердится, госпожа. — Кухарка подошла к холодохранилищу и достала оттуда миску с яйцами. — Всё ж такое событие — замуж вас выдают. Не каждый день у нас кого-то замуж отдают.

— Вот-вот, — поддакнула Бэсса и снова кивнула на стул. — Да садитесь же, госпожа Мэйен. — Разве мы когда чего плохого вам делали?

— Да если чего и было, так не со зла. — Кухарка достала ещё одну миску, поставила на стол и принялась выбивать туда яйца. — Вот, хотим, понимаете ли, вину загладить.

— Н-не н-нужно, — я в очередной раз попыталась отвертеться от их притворной заботы. — Л-лучше с-скажите, что с-сделать.

— Да что ж вы заладили-то, госпожа Мэйен? — Бэсса по-

дошла ко мне и взяла за руку. — Садитесь, отдохните. Вам надо сил набираться перед свадьбой. Замужняя жизнь — это вам не свободной девчонкой порхать: чтоб мужа хорошенько ублажить, нужно стараться.

Она всё-таки усадила меня на стул, а я мысленно выдохнула. Ну вот, всё возвращается на круги своя. Сейчас снова начнут говорить о непристойностях.

— И тем более такого мужа, — поддакнула кухарка, продолжая выбивать яйца. — Хотя вы ж небось страдаете, что не за любимого своего господина Горреса выходите... Вы ж его так любили...

Бэсса хрюкнула, а Айса снова захихикала.

— А он-то, бедненький, как страдать будет! Столько лет вас ждал, и вот... — Бэсса издала тяжёлый вздох. — Ох уж эти любовные дела. Никак без страданий. Но зато ваш женишок всяко красивее господина Горреса. Да и помоложе, и уж в постели точно порезвее будет.

— Видать он пал жертвой вашей красоты, раз сразу сговорился с господином Мэйеном. — Кухарка разбила последнюю яйцо, прошла к помойному ведру и принесла его ближе к столу.

— Ну а что ж тебя удивляет? — Бэсса скрестила руки на груди. — Госпожа Мэйен девочка у нас видная, вон, женихи аж соперничают. Что сиськи не выросли да задницы нет, так это дело поправимое: родит, всё и появится.

Нужно просто перестать их слушать. Они ведь всегда надо

мною насмехаются, я привыкла.

— Я вот боюсь, как бы она в родах-то не померла, такая худенькая да хлипенькая. — Кухарка поцокала языком и сбросила в ведро скорлупу.

— Я слыхала, будто сейчас целители могут разрезать живот да вынуть ребёночка. Жуть, конечно, но зато, говорят, знатные дамы меньше в родах помирать стали.

— Я-то думала, это брехня, но если так, то повезло госпоже Мэйен.

Я невольно сглотнула. Перед глазами поплыли жёлтые пятна, а в животе скрутился тугой узел. И правда, почему я не подумала про то, как буду вынашивать и рожать? Я в самом деле совсем не сложена для этого. А ведь жених первым делом сказал про наследника... По спине пробежал холодок.

— Да и любят мужики это дело. — Бэсса почесала голову. — Сиськи да задница чтоб были, пощупать там, подержаться. А уж господин следовательно наверняка девок переимел несчётное количество. Уж я-то знаю таких: смазливые да свободные, только и шлятся по борделям.

Я снова вздрогнула. Господин Маллорис и правда упомянул, что у него своя жизнь, которая его полностью устраивает. «Недостатка в женщинах и досуге нет», кажется, так?

— Тебе-то откуда знать? — Кухарка ногой отодвинула от себя ведро и взяла венчик, чтобы взбить яйца. — Можно подумать, ты много столичных аристократов видала. Да на тебя краше конюха никто и не позарился бы никогда.

— Нутром чую. — Бэсса ослабилась. — По мужику сразу видно, охоч он до баб или нет. Так вот, жених нашей госпожи Мэйен уж точно в этих делах знает толк. Уж даже и не знаю, как она справляться-то будет, неопытная ведь.

— А может, и был опыт? Говорят, конюх её однажды в конюшне-то прижал.

Я вздрогнула и опустила взгляд на свои руки, сложенные на коленях. Они снова говорят так, будто меня здесь нет. А тот случай в конюшне до сих пор вызывает дрожь в коленях.

— Тише ты, — шикнула Бэсса и кивнула на меня. — Она ж всё слышит.

Ну надо же! Вспомнили...

— И то правда. — Кухарка продолжила с каким-то остервенением взбивать яйца. — Вы уж, госпожа Мэйен, не обижайтесь на нас. Мы ж переживаем, как вы с новой ролью-то управитесь.

Я подняла взгляд и пожала плечами. Что ответить? Они своими разговорами будто грязной обувью проходятся по моей душе.

— Ну да вы не волнуйтесь почём зря. Наука нехитрая. — Бэсса подошла к кухарке и замерла у стола. — Тут главное — во всём мужа слушаться, а он подскажет, что да как.

— Если мужчина толковый, то и женщине с ним хорошо, — поддержала кухарка.

— Да вот одна беда: любят они всякое разное непотребное. — Бэсса перешла на полушёпот. — Муж мой покойный,

демоны дери его душонку, постоянно заставлял меня ртом работать. Ничего ему так не нравилось.

— Мой, слава богам, в других местах эти свои мечты исполняет, — хохотнула кухарка. — Как-то предложил, так я его по башке сковородой огрела. Чтобы больше в неё всяких непотребств не приходило.

Они переглянулись и захихикали, будто девчонки.

— По башке! По башке! — зашлась в хохоте Айса: она всё ещё пришивает заплатку, и сегодня кухарка даже не рывкает на неё, заставляя работать быстрее.

— И как, помогло? — Бэсса вытерла рукой глаза.

— Вот уж не знаю. Я не слежу, чем он там с другими бабами занимается.

Они ненадолго замолчали, только Айса продолжала хихикать. А я попыталась сглотнуть горький ком. От эфемерного счастья и следа не осталось. Сколько же всего мне предстоит делать, чтобы угодить мужу... И хотя он, конечно, не противный господин Горрес, всё равно страшно. Ну да, он вроде как не будет жить со мной постоянно, но ведь ему нужны дети, а они, может, и не появятся сразу после брачной ночи.

— Зато у неё слуг будет куча. — Бэсса картинно прижала руки к груди. — Одна будет её одевать, другая мыть, третья раздевать, четвёртая причёсывать. И платьев, платьев — целый шкаф.

— Да какой там шкаф, — Кухарка прекратила мешать яйца и мечтательно закатила глаза. — Целая комната! И будет

она разъезжать по балам да приёмам. Не чета нам.

— А ради этого можно и мужа ублажить как следует, — заключила Бэсса.

— Уж это точно.

Кухарка взяла миску и вдруг опрокинула её прямо мне на платье. Я вскрикнула и подскочила со стула. Яичная жижа потекла по груди на фартук, подол платья и закапала на пол. В голову ударила кровь. Боги, да если дядюшка узнает...

— Ой, госпожа Мэйн, простите! — неискренне залепетала кухарка. — Старая я стала, неловкая... Что ж господин-то скажет! Сколько яиц извела... Ох, пропала я...

Я стояла и как замороженная смотрела на лужу, уже образовавшуюся под ногами. Что ж, этого следовало ожидать. Я же чувствовала подвох и не думала, что они просто так усадили меня за стол и не дали никаких заданий... Да если бы и дали, это ничего бы не изменило. Я попыталась кое-как вытереть рукой платье, но, разумеется, оно не стало чище, только рука теперь тоже липкая.

Кухарка подошла к плите и отодвинула сковороду с конфорки. В коридоре слышались топот ног и весёлый смех.

— Да где же ей ещё быть? Слышала же, что папенька сказал: пока она здесь живёт, никто её не освободит от обязанностей.

Час от часу не легче... Это Маль и Лув. Кузины вбежали в кухню и замерли на пороге.

— Ого, а что это с нашей невестушкой? — ядовито про-

тянула Маль, оглядывая мой жалкий вид. — Решила испуститься с утра пораньше?

Кухарка всплеснула руками и запричитала:

— Да вот, госпожа Маль, опрокинула она на себя миску с яйцами, из которых я должна была омлет готовить. Что теперь делать — ума не приложу! Как была неуклюжая да бестолковая, так и осталась.

Меня прошиб холодный пот. Нет, не то чтобы я думала, будто кухарка расскажет, как всё было на самом деле, и тем не менее, спина заныла в предчувствии очередного наказания.

— Господин ваш батюшка уже поднялся? — Кухарка продолжала делать вид, будто обеспокоена.

— Не, вроде не выходил ещё. — Кузина закатила глаза. — Успеете приготовить новый омлет или что другое. Только заику больше не подпускайте к блюдам. Небось нарочно папеньку позлить хочет. Думает, теперь невеста, так всё можно.

— Ох, а мне даже жалко госпожу Леалану! — Кухарка с притворным сочувствием покачала головой. — Ведь рассердится же господин Руайе, опять ей достанется... А она, наверное, не виновата, что такой никчёмной уродилась...

— Да ей не впервой получать. — Маль ослабилась, отчего её острое личико сделалось хищным.

— А мне вот жалко её будущего мужа, — поддакнула Бэса и отошла к окну, чтобы освободить место юным господам. — Представляете, как он с такой неумехой жить-то будет!

— Ну, в постели-то другие умения нужны, — злорадно протянула Маль, блестя своими тёмными глазами. — Я уверена, что он какой-нибудь извращенец. Ну не позарится нормальный мужик на вот это тощее нечто. — И она бесцеремонно ткнула в меня пальцем.

Лув за спиной сестрицы хихикнула. Она обычно ходит за Маль тенью и только поддакивает или смеётся в нужный момент. Камень, разросшийся в груди, теперь мешает дышать. Как им удаётся так искусно всё портить?

— Ну что же вы так, госпожа Маль. — Бэсса осклабилась. — Уж не совсем наша госпожа Леалана плохая. Вон волосы какие.

— А если их остричь, так точно ничего не останется. — Маль вдруг запнулась. — А ведь это идея, Бэсса! Рэйя, ну-ка дай самый острый нож! Лучше бы, конечно, обрить, да слишком много мороки. Лув, Бэсса, держите её!

Я даже не успела дёрнуться, как меня обхватили с двух сторон. Однако отчаяние придало сил: я пнула кого-то из них ногой и попыталась вырваться. Буду биться до последнего, хоть и понимаю, что мне их не победить.

— Ах ты гадина, — завопила Лув. Значит, попала. Мне не только не отпустили, но и скрутили за спиной руки, а Лув пнула по ноге в отместку.

— Госпожа Маль, а может, не стоит? — В голосе кухарки послышалось сомнение. — Ведь жених-то вашему батюшке денег за неё заплатил, а ну как без волосёнок она ему не нуж-

на будет? Рассердится господин Руайе, что сделка сорвалась.

— По-твоему, я совсем глупая? — расхохоталась Маль.

— Скажем, что она сама их обрезала. Мало ли, чего дуре в голову взбредёт. Поверят нам, а не ей.

— Ну смотрите, госпожа Маль. Это уж ваше дело, я не лезу.

Что-то звякнуло, и Маль победно засмеялась.

— То-то же. Лув, Бэсса, держите крепче!

Я в отчаянии дёрнулась, но из захвата Бэссы не так-то просто вырваться. Та ещё крепче сжала мои запястья и слегка приподняла. От боли в плечах на глазах выступили слёзы. Маль тем временем схватила меня за косу и дёрнула так, что перед глазами вспыхнули искры, а слёзы хлынули ручьём. Я зажмурилась: если увидят, что плачу, ещё сильнее обрадуются. Меня снова до боли дёрнули за косу, и по волосам начали возить лезвием. Я уже не пыталась дёргаться: слишком крепко держат.

— Ишь, отрастила волосища! И не отрежешь нормально,

— пропыхтела кузина над ухом. — Ага, уже почти... Есть!

Голове вдруг стало легко, а Маль победно захохотала и потрясла перед моим лицом ножом и отрезанной косой. Я с трудом сделала вдох. Но тут кухню огласил визг. Все дёрнулись, меня отпустили, а Маль перестала смеяться.

— Ай-ай-ай, папенька маменьку убивает! — завопила из своего угла Айса. — Спасите! А-а-а-а-а! Нож! Нож!

— Да заткнись ты, дура! — Маль безуспешно попыталась

перекричать вопли служанки.

— А-а-а-а-а, убива-а-ают! — продолжала голосить та. — Папенька, не надо! Не трогайте маменьку! А-а-а-а-а!

— Заткнись, говорю! — снова заорала Маль.

— Что здесь происходит? — Голос дядюшки прогремел так неожиданно, что кухня мгновенно погрузилась в тишину: Айса перестала вопить, Бэсса отскочила от меня так, словно ошпарилась. Лув тоже благоразумно отступила. По кухне пронёсся вихрь, взметнув пыль. Дела плохи, раз дядюшкина магия выплёскивается наружу. Маль швырнула отрезанную косу мне под ноги. От расплывающихся перед глазами слёз я видела её смутно. Подниму потом...

— Каких демонов вы тут устроили, я спрашиваю? — снова прогремел дядюшка. Второй вихрь оказался ещё сильнее.

Я попыталась незаметно вытереть лицо, но сделала только хуже: яичная жижа теперь, кажется, залепила меня всю.

— Да вот, папенька, наша дурочка Леле себе косу отрезала. — Маль опомнилась первой: голосок аж зазвенел. — Мы сообразить-то ничего не успели, а она р-раз — и всё! Я, конечно же, стала нож у неё отбирать. Ну не дело это — себя уродовать, да ещё перед свадьбой. А эта, — наверное, она показала на Айсу, — как нож увидела, как вопить начала, что маменьку её убивают.

— Сама себе отрезала волосы, говоришь?

— Да, папенька.

Я сжалась. Дядюшка за такое меня убьёт. И даже если по-

пытаюсь сказать, что это не я, не поверит. Маль права...

— Ты отца за дурака держишь, да? — обманчиво ласковым тоном вдруг спросил он.

— Что вы, папенька! Да ни в жизни. — Голосок Маль зазвенел от подобострастия.

Глаза дядюшки потемнели, воздух в кухне уплотнился, так что стало совсем трудно дышать.

— Тогда каких демонов лысых ты мне в лицо врёшь? — рывкнул дядюшка. — Я видел, как ты отшвырнула нож и её волосы, когда я вошёл. Хочешь сказать, глаза меня обманули, да?

— Н-нет, папенька, но... — снова проблеяла Маль, разом растеряв всю весёлость. — Мы пытались её оттащить.

— А я вот уверен, что это ты ей косу и отрезала. Она, конечно, дура, но не настолько, чтобы саму себя уродовать. У неё кроме волос ничего и нет.

Я скосила глаза. Дядюшка схватил Маль за плечо и потрянул. Та побледнела и опустила голову.

— Ты хоть понимаешь, сукина дочь, что мне за неё денег заплатили? — Его голос стал громче, по кухне пронёсся очередной вихрь. — Она — купленный товар, а ты её уродуешь!

И он влепил Маль затрещину. По её лицу полились слёзы, но дядя, кажется, только сильнее разозлился. Я невольно зажмурилась, а Айса начала тихонько подвывать.

— Ты понимаешь, что если жених от неё откажется, мне придётся возвращать ему выкуп? — снова прогремел дя-

дядюшка.

— Папенька, я не... я не... — Теперь голосок Маль звучит совсем жалко.

Я тихо вздохнула и уставилась на косу под ногами.

— Что ж, сама себя наказала: откажется от этой дуры жених, так и будем дальше прозябать. А он ведь благодаря этому браку мы могли бы войти в круги высшей знати, вам нашли бы достойных мужей...

— Папенька, а может, парик ей купить? — подала голос Лув.

И тоже получила пощёчину.

— Ещё одна дура на мою голову! Помолчала бы лучше. А то её жених парик не отличит! Ох, повезло мне с дочерьми, уж как повезло... Убогие и неблагодарные клуши, все в свою безмозглую мамашу, — рывкнул дядюшка и обернулся ко мне.

Я сжалась. Ну всё, теперь точно получу. Пришёл мой черёд.

— Ты чего грязная-то такая, невестушка демонова?

— Так омлет будущий на себя вылила, господин Руайе, — тут же сообщила кухарка. — Только уж вы её сильно-то не ругайте. Волнуется, наверное, что невеста теперь. Такое событие. Вот и стала совсем неуклюжая.

— А когда она ловкой-то была? — Дядюшка встал передо мной и скрестил руки на груди. — Что скажешь в своё оправдание?

— Из... извините, д-дядюшка, я не... не... не нарочно, — выдавила я, не поднимая головы.

Дядя притворно вздохнул.

— И вот что мне с тобой делать, а? Учи тебя, не учи, всё равно дура не лучше этой, — и он кивнул в сторону Айсы.
— Надеюсь, хоть муж тебя воспитает.

Я снова сжалась, ожидая удара. Однако дядя бить не спешил. Может, растерял запал, пока учил жизни дочерей?

— Иди переоденься, умойся и приступай к делам. Позже решу, что с тобой делать. Повезло тебе, что мне скоро уезжать в город. Да и грязная ты, руки только замараю.

Он хохотнул и направился к выходу из кухни.

— Маль, Лув, за мной. За свою выходку будете неделю сидеть дома. И никаких десертов.

Кузины промолчали и покорно пошли за ним. Маль метнула на меня хмурый взгляд и изобразила, будто сплёвывает на землю.

— И впредь нечего вам торчать в кухне да отвлекать этих куриц. Они и так вечно бездельничают. Набрал по доброте душевной себе в прислугу дур набитых, теперь вот расплачиваюсь.

Айса вдруг громко шмыгнула носом и высморкалась, кажется, прямо в полотенце.

— Развела тут сопли, малахольная, — пробурчал дядюшка. — Будто нож впервые увидела. Ну, чего так медленно-то? Живо вон из кухни.

Маль и Лув прошли мимо отца в коридор.

— Чтобы через четверть часа завтрак был на столе, — бросил дядюшка. — Иначе всем уменьшу жалованье. А то и вовсе взашей выгоню.

— Конечно-конечно, господин Мэйен. — Кухарка поклонилась и тут же с показным рвением подошла к холодохранилищу: видимо, достать новую порцию яиц.

— Вот и работайте, — бросил дядюшка уже из коридора.

Когда их шаги затихли, я отмерла, присела на корточки и подняла свои бедные волосы. Не стану их выбрасывать, уберу в мамину шкатулку. Я выпрямилась и начала осторожно отступать к выходу.

— Т-только п-переоденусь, и н-назад, — пробормотала я, опустив взгляд.

— Давай-давай, шевелись. Дел не впрокорот. Тебе ещё отмывать тут всё. — И кухарка брезгливо кивнула на пятна на полу. — А будешь стоять да глазеть, пожалуйюсь господину Руайе, он тебе ещё добавит. Лысая ты наша красавица.

И они с Бэссой противно загоготали мне вслед.

Я почти бегом бросилась к лестнице, прижимая к груди косу. И ведь все вокруг правы: единственное, что во мне красивого, — это волосы. А теперь и их больше нет. И сколько ждать, пока отрастут? И что скажет жених, когда увидит меня такой? Надеюсь, хоть от свадьбы не откажется.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.